Анна Гавальда

Mathilde

Anna Gavalda

Матильда

НОВИНКА

Матильда
Анна Гавальда

Аннотация
Анна Гавальда. Матильда
Акт первый
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
Акт второй
1
2

3
4
5
Апарте
1
2
3
4
Акт третий
1
2
3
4
5
Акт четвертый
1
2
3
4
5
6
Акт последний
1
2
3

Аннотация

Матильде 24 года. Она бросила изучение истории искусств ради не слишком интересной работы и снимает квартиру вместе с двумя сестрами-близняшками.

Она говорит, что счастлива, но прибегает к алкоголю всякий раз, чтобы об этом вспомнить.

Однажды она забывает в кафе свою сумочку. Некий молодой человек возвращает ей ее неделей позже. Спустя несколько месяцев — и именно из-за него — она решает изменить свою жизнь.

Анна Гавальда
Матильда

Anna Gavalda «Mathilde»

© Éditions Le Dilettante, Paris, 2014
© Позднева Т., перевод, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

© M. Heinry

Никогда не поздно изменить свою жизнь, объясняет автор, вновь прибегая к средствам из своего гавальдинского арсенала, чтобы бороться с цинизмом окружающего мира и отстаивать возрождение старых добрых социальных отношений, простые ценности без выпендрежа…

Ф. Даржан, Le Figaro

Матильда — это отчасти любая из нас: как истинная женщина она переполнена противоречиями, иногда выпивает лишнего, скучает на работе (занимаясь написанием фейковых отзывов в интернете), злится на дурочек. И ждет большой любви. Даже если сама в этом не признается ни за что на свете.

Flair

Но как она это делает? Как Анне Гавальда удается сделать своих героев столь близкими нам? Так сильно растрогать нас своим безудержно порхающим пером?

А. Фийон, Lire

Акт первый

1

Кафе около Триумфальной арки. Я почти всегда сижу на одном и том же месте. В глубине зала, слева от стойки бара. Я не читаю, не шевелюсь, не проверяю мобильник, я жду.

Жду человека, который не придет, и от нечего делать наблюдаю за тем, как ночь опускается на «Пристань звезды».

Расходятся последние коллеги, звучат последние тосты, последние плоские шуточки, еще около часа царит полный штиль, и наконец Париж оживает: по улицам рыщут такси, взрослые девочки выходят из леса, хозяин приглушает свет, официанты становятся словно моложе. На каждый стол они ставят свечку — не настоящую, восковую, а ту, что мерцает, но не течет, — и украдкой дают мне понять, что надо бы что-то еще заказать или уж место освободить.

Я заказываю еще выпить.

Это седьмой раз, не считая двух первых, когда я в сумерках прихожу выпить в это злачное место. Я точно это знаю, потому что сохранила все чеки. Поначалу я, должно быть, воображала, что

оставляю их себе на память, по привычке или из фетишизма, но теперь?

Теперь я признаю, что делаю это для того, чтоб мне было за что уцепиться, когда я сую руку в карман пальто.

Существование этих клочков бумаги доказывает, что… и что же все это на самом деле доказывает?

Да ничего.

Что жизнь дорога у могилы Неизвестного солдата.

2

Час ночи. Снова впустую. Возвращаюсь домой.

Я живу возле кладбища на Монмартре. Никогда в жизни не ходила столько пешком. Раньше у меня был велик — по прозвищу Жанно, — но я его недавно потеряла. Уже и не помню, когда именно. После вечеринки у незнакомых мне людей, которые живут, по-моему, где-то возле вокзала Сен-Лазар.

Молодой человек тогда проводил меня до своего дома. Идя с ним под ручку, я веселилась, а вот в его постели уже нет. Кошачий лоток, узорчатое постельное белье, постер «Бойцовского клуба» над его икеевской кроватью, в общем… я не могла.

Я напилась меньше, чем ожидалось.

Послать куда подальше, внезапно протрезвев, — со мной такого раньше не случалось, и я себя чувствовала препоганейше. Ведь все-таки я была бы вовсе не против. Да, мне бы очень даже хотелось немножко забыться. Мне это нравилось. К тому же Брэд Питт и Эдвард Нортон не так уж плохи, чтоб держать нам свечку. Но что поделать,

меня предало мое тело.

Как такое возможно?

Мое тело.

Такое милое…

В тот момент я бы этого не признала, но сегодня вечером, после стольких километров, пройденных в одиночку, после всей этой пустоты, тщеты, нехватки, постоянной нехватки всего везде, я вынуждена смириться: да, это из-за него.

Все из-за этого паразита, чья подрывная работа впервые проявилась тогда, в этой уродской постели.

Я сидела голая и разочарованная, в растерянности прижавшись спиной к стене, как вдруг он стал утешать меня таким противным голосом:

— Эй… Ты все равно можешь остаться, ага…

Если бы у меня был под рукой карабин, я бы выстрелила ему в голову.

За вот это вот его презрительное «все равно», за одолжение, которое он соблаговолил *in fine*[1] сделать дуре, не пожелавшей у него отсосать.

Ба-бах.

Меня всю трясло. Это продолжалось на лест-

---

[1] Примечания: 1
В конце (*лат.*).

нице и на улице, где я искала свой велик около фонарных столбов. Меня трясло от ярости. Никогда еще я не испытывала подобного состояния.

Я чувствовала во рту вкус блевотины и плевалась, чтоб избавиться от этой напасти.

А поскольку я неспособна сплюнуть как следует, то попадала в основном на саму себя, измазав слюнями и рукав, и нарядный платок, и так оно было даже намного лучше, потому что иначе как объяснить, откуда во мне вдруг столько злости?

Со мной случилось то, что я заслужила, но я жила… *все равно*.

3

Меня зовут Матильда Сальмон. Мне двадцать четыре года. Формально я все еще числюсь студенткой, изучающей историю искусств (прекрасное изобретение), а на самом деле работаю на мужа своей сестры. Он богат, хорош собою и невозмутим. Он постоянно трет кончик носа и никогда не носит галстук. Он руководит крупным креативным агентством веб-дизайна, брендинга и промоушена (расшифровываю: если у вас есть товар, который вы хотите распространить через интернет, то именно он разработает для вас красивую витрину и маршрут, ведущий клиента прямиком к оплате) (гарантированно безопасной) и нанял меня в прошлом году.

Ему был нужен наемник, мне — деньги на карманные расходы, так что вечером в мой день рождения мы с ним чокнулись и ударили по рукам. Не самый плохой рабочий контракт.

Как студентка я имею право на множество всяких скидок: на билеты в кино и музеи, на оплату фитнеса и на питание в университетских ресторанах, но поскольку большую часть времени я

провожу перед монитором компьютера, медленно, но верно превращаясь в полную идиотку, и при этом слишком хорошо зарабатываю, чтобы кормиться в столовках, то своими льготами я больше не пользуюсь.

Тружусь у себя дома в свободном режиме, почерному, у меня тысяча имен, адресов, ников, столько же аватарок, и я целыми днями строчу фальшивые комментарии.

Помните контролера со станции «Лила»?[2] Так вот это в точности про меня. Я столько выдаю на-гора, что тоже могла бы спеть:

> *Пишу комменты, комменты, маленькие комменты,*
>
> *Второсортные комменты,*
>
> *Первоклассные комменты…*

Мне дают длиннющие списки сайтов с заданиями «опустить» или же «praise only»[3] (все самое ценное в интернет-сообществе всегда говорится по-английски), когда надо сначала подпортить

---

[2] Примечания: 2

«Контролер со станции Лила» («Le poinçonneur des Lilas») — песня Сержа Генсбура (*Serge Gainsbourg*, 1928–1991), французского поэта, композитора, автора и исполнителя песен, актера и режиссера. *(Прим. переводчика.)*

[3] Примечания: 3

Только похвалы (*англ.*)

рейтинг, а затем добить потенциального клиента, чтобы предложить ему, разумеется, после того как он должным образом раскошелится, море позитивных откликов на всех форумах и наилучшую возможную позицию в выдаче Google.

Пример: компания *superyoyo.com* занимается производством и продажей суперигрушек йо-йо, но из-за того, что у компании супербездарный сайт (а чтобы в этом убедиться, достаточно лишь почитать все эти нелестные отзывы, оставленные, расшаренные, скопированные, перепощенные, прицепленные, процитированные, отмеченные, написанные в блоге, твиттере, на стене, в чатах, тегированные, запрашиваемые, все эти дислайки и дислолы, разбросанные здесь и там, за подписями Micheline T. (я), Jeannotdu41 (и снова я), Choubi_angel (опять я), Helmutvonmunchen (Ich[4]. или NYUbohemiangirls (me and myself[5].), в Yoyoland царит супербольшая печаль. В конце концов мсье и мадам Йо-йо, проинформированные должным образом о выдающихся заслугах моего зятька — для этого используется одна довольно кривая, но хитроумная схема (слишком

[4] Примечания: 4
Я (*нем.*).

[5] Примечания: 5
Здесь: я и только я (*англ.*).

длинная, чтобы здесь рассказывать) (все это так неважно), так вот, мсье и мадам ведутся и сами приходят умолять его сделать им новехонький, самый новый сайт абсолютно немедленно. Чего бы то ни стоило! Это вопрос жизни и смерти целого предприятия! И мой зятек в конечном итоге великодушно соглашается им помочь и каких-то три недели спустя — о, чудо! — стоит только набрать на клавиатуре «уо» или «уоу», как ты прямиком попадаешь в Yoyoland (по одной только первой букве «у» еще не выдает, но над этим без устали трудятся), и — о, снова! Какое чудо! — «я» заказывает десяток игрушек для своих шестерых внуков, «и снова я» в полном восторге и уверяет, что расскажет об этом на всех ресурсах супер йо-йо в мире, «опять я» говорит, что это оче оче круто —!!! «Ich» хотеть поиметь информации für обределить Yoyo Sector дестрибьютер, а «me and myself» are sooooo excited *coz yoyos are sooooo french*.[6]

Вот и все: я просто пишу комменты. А мой зять откуда-то из недр свой немереной квартиры в 16-м округе Парижа ищет новые пути развития.

---

[6] Примечания: 6

Тааак возбуждены, поскоку йо-йо это тааак по-французски! (*англ. прост.*)

Я знаю, на самом деле это была плохая идея. Уж лучше бы дописала (хотя бы начала) свою дипломную работу «От Вильгельмины королевы Нидерландов до Поля Жуани, история и концепция караванов акварелистов и прочих колесных средств для живописи на пленэре» (круто, да?) или бы подумала о своем будущем, о собственной заднице и пенсионных баллах, но, увы, я уже разуверилась по ходу и живу как придется, одним моментом.

Потому что все подстроено… Потому что это всего лишь комменты… Потому что полюса тают, банкиры наконец защищены от убытков, крестьяне вешаются в своих амбарах, а скамейки в общественных местах теперь разделяют перегородками, чтобы на них не устраивались бездомные… И что же, на самом деле? Неужели же я стану заморачиваться, расставляя свои ловушки в таком мире?

Чтобы не думать об этом, я участвую в мелких махинациях моего зятька и Ларри Пейджа: [7] лгу днями напролет и ночами напролет танцую.

Ну, в общем… Раньше танцевала. А теперь по-

---

[7] Примечания: 7

Пейдж, Ларри (*Lawrence Page*, 1973 г. р.) — американский разработчик, совместно с Сергеем Брином основавший поисковую систему Google. *(Прим. переводчика.)*

туже затягиваю поясок и брожу в лунном свете в ожидании парня, который даже не знает, что я его жду.

Вот уж действительно, полный бред.

Видно, я совсем чокнутая, остро нуждающаяся, хрупкая, раз докатилась до такого.

4

Полин и Жюли Д. — сестры-близняшки, с которыми я снимаю квартиру площадью 110 кв. м. на улице Дамремон. Одна из них работает в банке, другая в страховой компании. Мои с ними отношения — чистый рок-н-ролл. Между нами нет ничего общего — именно в этом и заключается секрет гармоничности нашего совместного существования: я бываю дома, когда их там нет, а когда приходят они, там уже нет меня.

Они ведут счета, я получаю их посылки (всякие глупости из интернет-магазинов), хожу за круассанами, а они выносят помойку.

Это великолепно.

На мой взгляд, они обе дурочки, но я рада-радехонька, что на своем кастинге они выбрали именно меня. Они провели целый ряд собеседований из серии «*в поисках новой соседки, практически безупречной*» (о боже…) (как грандиозно…) (еще один незабываемый эпизод моей сумасшедшей юности…) и выбрали меня. Хотя я так никогда и не смогла понять почему. В то время я работала сотрудником, да что я говорю,

каким там сотрудником, просто смотрителем! дежурной! в музее Мармоттан,[8] так что думаю, папаша Моне добавил мне баллов: юная девушка, чистенькая-опрятненькая, которая проводит столько времени среди знаменитых «Кувшинок», по определению не может быть непорядочной.

В общем, как я уже говорила, обе они дурочки.

Париж для них представляет собой лишь обязательную строчку в резюме. Жить им в Париже не нравится, и обе они только о том и мечтают, как бы поскорее вернуться в свой родной Рубэ, где у них остались и папа, и мама, и их жирный кот Папуй, и куда они сваливают при первой же возможности.

Я с удовольствием пользуюсь выпавшей на мою долю удачей (суперквартира в моем единоличном пользовании по выходным с целой стопкой аккуратно сложенных под раковиной салфеток из микрофибры, которыми так удобно вытирать блевотину моих друзей), пока сестрички не решились окончательно покинуть Париж.

То есть я пользовалась. Но сейчас я… уже в этом

---

[8] Примечания: 8

Музей Мармоттан (полное название: Мармоттан-Моне) — расположенный в 16-м округе Парижа музей изобразительных искусств, известный своей коллекцией полотен импрессионистов, и в частности крупнейшим собранием работ Клода Моне. *(Прим. переводчика.)*

совсем не уверена. Мне кажется, мне становится все сложнее их выносить… (Приходя домой, они натягивают на ноги тапочки «Изотонер» и слушают за завтраком радио «Шант Франс», порой это нелегко), но на самом деле проблема во мне, и я это четко осознаю. Они обе всегда предельно любезны и даже делают звук потише, когда я витаю в ароматах их утреннего кофе с цикорием. Мне не в чем их упрекнуть.

Да, это именно я и только я виновата в своем состоянии. Вот уже почти три месяца, как я не наслаждаюсь жизнью, никуда не хожу, не пью алкоголь, не…

Не чувствую себя хорошо.

* * *

Три месяца тому назад в квартире еще шел ремонт.

Она досталась нам не в самом лучшем виде, и Полин (наиболее ушлая из сестер) убедила хозяина доверить нам ее ремонт в счет погашения арендной платы в размере суммы окончательной стоимости проведенных работ. (Та еще фразочка, авторство не мое — уверяю вас!) Сестрички радовались как дети, купили себе рабочие ком-

бинезоны, начертили планы, перелистали горы каталогов, запросили массу смет, обсуждали их вечерами напролет, прихлебывая свои травяные чаи. Я тогда даже задумалась, не ошиблись ли они в выборе профессии.

Вся эта суета меня раздражала. Мне нужен был покой, поэтому я не появлялась дома, перебравшись варганить тексты в улей к своему зятьку в компанию ко всем этим его милым айтишникам последнего поколения, ладно, надо признать, у нас действительно были проблемы с проводкой (стоило только включить плиту, как мой комп начинал моргать), со стен облезала краска, а в ванной было не развернуться (приходилось все время перешагивать через старое биде). И поскольку сама я ремонтом не занималась, то когда девочки предложили мне просто заплатить свою часть, причем лучше наличными, — тогда нам еще и НДС (как минимум!) вернут и мсье Карвальо (избранный строитель, изворотливый и очень занятой) нас отблагодарит, — я не заставила себя просить.

Да, с этой точки зрения, я же не дикая.

Почему я об этом вспомнила? Потому что, если бы не вкрадчивый шантаж мсье, «измученного» всеми этими его социальными выплатами, если

бы не стремительный рост НДС в строительстве и если бы все мы не были в этом виноваты, абсолютно все — и девочки, и мальчики — а прежде всего он, — то я бы сейчас не торчала в этом депрессивном квартале в ожидании собственного конца.

Рассказываю:

5

Это было в кафе около Триумфальной арки. Я сидела в глубине зала, слева от стойки бара. Я не читала, не беспокоилась, не проверяла свой мобильник, я ждала Жюли.

Мою соседку по квартире, ту, что работает в банке, в BNP (сама она всегда уточняет: BNP Paribas), и все у нас считает, записывает расходы, делит на всех (квартплата, коммунальные платежи, подарки консьержке, счета, чаевые, моющие средства, календарь с пожарными, туалетная бумага, гель для душа, коврик для ванной и прочее в том же духе, еще более невообразимое).

Мы договорились встретиться с ней во второй половине дня, ближе к вечеру, в каком-нибудь баре рядом с ее работой.

Меня немного злило, что ради ее прекрасных глаз мне пришлось тащиться через весь Париж, но я знала, что ей еще потом надо успеть на поезд, к тому же все-таки я… уф… в нашей компании наименее усердная.

Жюли должна была мне передать деньги за себя и сестру для нашего любимого мошенника строителя, с которым я собиралась встретиться

утром следующего дня, в общем, довольно пухлый конверт, или десять тысяч евро наличными.

Да уж… Ни хухры-мухры… Как в Версале.

Я воспользовалась свободным временем и прошлась по магазинам — в то время я была еще самой заурядной миниатюрной брюнеткой: глупой, игривой пустышкой и транжирой — и, поджидая Жюли, я не сводила глаз с кучи пакетов, лежавших подле меня на молескиновой банкетке, полных всяких штучек, аксессуаров, косметики и прочих ненужных пар обуви.

Я изучила километры витрин и теперь потягивала свой мохито, оправляясь от пережитого.

Я чувствовала себя разбитой, поверженной, раскаивающейся и абсолютно счастливой.

Девочки поймут.

* * *

Жюли появилась ровнехонько, как договаривались, минута в минуту, в своем сером мышином костюмчике. У нее не было времени со мной выпить, хотя, так и быть, она согласилась — ну разве что бутылочку минеральной воды. Она дождалась, пока официант уйдет, недоверчиво огляделась по сторонам, в конце концов извлекла

из своего портфеля пухлый конверт и протянула его мне со страдальческим видом, как любой банкир, вынужденный вам выдать немного денег.

— Ты что, даже в сумку не уберешь? — заволновалась она.

— Уберу, уберу. Конечно. Извини.

— Ты знаешь, это все-таки крупная сумма…

Я невозмутимо размешивала листики мяты в своем бокале, но судя по всему, ее это не убеждало:

— Ты ведь будешь внимательна, да?

Я с важным видом подтверждаю (бедняжка, откуда ей знать, что от капли рома с лаймовым соком я не пьянею…), затем беру всю наличность и кладу в сумочку, которую для пущей убедительности оставляю у себя на коленях.

— Вся сумма в купюрах по сто… Я сначала засунула их было в обычный банковский конверт, но потом подумала, что это слишком заметно. Из-за логотипа, ну ты понимаешь… Поэтому я конверт поменяла.

— Ты все правильно сделала, — отвечаю я, одобрительно кивая головой.

— Да, и к тому же, как ты видела, я не стала запечатывать конверт, чтобы и ты могла доложить туда свою часть…

— Прекрасно!

И поскольку она оставалась все такой же напряженной:

— Эй, эй, Жюли… Все в порядке, вот… — добавила я, перекинув через голову ремень сумки. — Смотри! Я вылитый сенбернар! Да получит он свои денежки, этот ваш жулик Антонио, все получит. Не волнуйся.

Она растянула губы то ли в улыбке, то ли в тяжелом вздохе, сложно сказать, и занялась изучением счета.

— Оставь, это мой счет. Давай, беги уже, а то опоздаешь на поезд. Поцелуй там от меня своих родителей и скажи Полин, что ее посылка получена.

Она встала, бросила последний печальный взгляд на мою старую сумку, завязала пояс на своем тренче и отправилась, словно бы с сожалением, на уик-энд в отчий дом.

И только потом, в этом кафе около Триумфальной арки, где я сидела в глубине и т. д., я отыскала свой мобильник. Марион оставила мне сообщение, любопытствовала, купила ли я то маленькое синенькое платьице, которое мы вместе с ней обнаружили на прошлой неделе, насколько я уже влезла в долги и есть ли у меня планы на

сегодняшний вечер.

Я ей перезвонила, и мы отлично поболтали. Я в подробностях описала свою добычу, синенькое платьишко не взяла, зато купила отпадную пару туфель, премиленькие заколки и восхитительное белье, ну да, конечно ты знаешь, лифчик такой, как у «Эрес», ну да, с такими чашечками и такими бретельками, трусики умопомрачительные, нет, нет, уверяю тебя, совсем недорогие и, правда, очаровательные, ну да, конечно ты знаешь, такие, что прячут все самое вкусненькое в кружевах, и бла-бла-бла, и то да сё, и о-ля-ля.

Потом я рассказала ей о том, как тряслась наша великая отмывательница денег, моя соседка, о конверте с логотипом, и даже о том, как я повесила сумку себе на плечо с видом заправского предводителя скаутов Франции, чтобы ее утешить, и тут уж мы, само собою, так и покатились со смеху.

Потом мы поговорили о всяких серьезных вещах, а именно: об организации одной вечеринки, о тех, кто там будет, и как мы с ней собираемся туда нарядиться. Не забыв попутно, в первом приближении, перебрать всех особей мужского пола, которые могли туда заявиться, с полной и исчерпывающей характеристикой каждого: про-

бег, изношенность, семейное положение, список дипломов и репутация предприятия.

Болтовня разбудила жажду, и я заказала еще мохито, чтобы подкрепиться.

— Что это ты там грызешь? — внезапно заинтересовалась моя приятельница.

— Кубики льда, — призналась я.

— Но как ты можешь? — в ужасе воскликнула она, а я ей в ответ, с идиотским видом намекая на секс, возьми да и ляпни, что, мол, в определенных обстоятельствах привычка грызть лед очень даже помогает.

Конечно, это была пустая бравада. Мутная чушь, отрытая в каком-то старом детективе, которую я выдала, просто чтобы рассмешить подругу, и тут же забыла, но отчетливо вспомнила несколько дней спустя и страшно испугалась.

Я еще расскажу почему.

Марион в конце концов повесила трубку, я оставила на столе пару купюр, собрала свое барахло и, только когда полезла за ключами от замка к своему велику, поняла, что теряю контроль.

Все остальные сумки у меня были с собой, пакеты с кремами против морщин и с трусиками в горошек, — не хватало только той единственной, которая была действительно ценной.

— Черт, — прошептала я, — ну надо же быть такой идиоткой… — и галопом понеслась обратно, ругая себя на чем свет стоит.

6

Как сильно я вдруг вспотела… И как холодны были эти капельки, сползающие вдоль моего позвоночника… А мои ноги… Они подгибались от слабости… Но продолжали бороться с притяжением куда-то ускользающего пола…

Я рассуждала, урезонивала себя.

Я урезонивала себя, перебегая дорогу в неположенном месте под гудение шарахающихся от меня автомобилистов. Я говорила себе: «Послушай, прошло от силы несколько минут, ты отошла на какую-то сотню метров. Сумка там. Официант наверняка ее заметил, подобрал, пересчитав щедрые чаевые, положил в надежное место и очень скоро отдаст тебе, возведя глаза к небу: ох уж эти девушки…

Успокойся, толстуха, возьми себя в руки».

Я чуть было не угодила под машину и ни капельки не успокаивалась.

Банкетка была еще теплая, на ней по-прежнему виднелся отпечаток моих ягодиц, оставленные мной купюры послушно лежали на столе, а вот сумки не было.

7

Официанты ничего не понимали. Хозяин заведения ничего не понимал. Нет, нет, они ничего не находили, но знаете, учитывая район, здесь уже ничему не стоит удивляться. Вот только на прошлой неделе у них стащили мыльницы из туалетов. Да-да, вы не ослышались: мыльницы. Это немыслимо, вы не находите? Свинтили мыльницы вместе с крепежом. И в этом мире мы живем. Чего уж тут говорить о кадках с растениями вокруг террасы, которые они по вечерам закрепляют цепями. Каково? А столовые приборы? Знаете, сколько у нас выносят столовых приборов в год? Ну назовите какую-нибудь сумму, просто для примера.

Конечно, весь этот утешительный компот я не воспринимала. Мне до этого не было никакого дела. Я была в абсолютной панике, но раз после меня отсюда, по их словам, никто не выходил, значит, этот непорядочный человек все еще здесь.

Я обошла зал и все столики на террасе, осматривая банкетки, стулья, колени, заглядывая под столы и роясь в вещах на вешалках. Я налетала

на людей, извинялась, сдерживала слезы, спустилась к туалетам, женский, мужской, «Вход воспрещен», прошла на кухню, приставала ко всем с вопросами, отталкивала тех, кто хотел меня вывести, умоляла, обещала, не выдерживала, клялась, улыбалась, шутила, пристально изучала, сканируя, приближая, просвечивая насквозь, следила за входом и в конце концов вынуждена была смириться с очевидным: и сумки нет, и ни единого подозреваемого на горизонте.

Меня обманывали. Или же я сошла с ума.

Это возможно. Думаю даже, именно так оно и было. Я была уже неспособна мыслить логически и просто перебирала в голове разные варианты: потеряла ли я сумку, пока шла к велосипеду? Ремешок порвался мне в наказание за то, что я смеялась над своими любезными командиршами? Стала ли я жертвой карманника-виртуоза, орудующего в верхней части Елисейских полей? Это и есть мой свободный вечер? А что, похоже, что все остальные дни недели я провожу в богадельне?

Я уходила оттуда совершенно разбитая под удручающий гул сочувствующих голосов:

— Искренне сожалеем, мадемуазель. Оставьте нам свой номер на всякий случай. И все-таки

проверьте помойки в этом квартале. Знаете, они берут только деньги, от остального отделываются сразу. Подождите немного, прежде чем заявлять в полицию, хотя, конечно, бумаги нынче дорогого стоят. В любом случае, я вам говорю, со всеми этими цыганами, которые уже второй год ошиваются на Елисейских полях, здесь больше нечему удивляться.

Ладно… Удачи.

Выйдя на улицу, я разревелась.

Я плакала из-за самой себя. Из-за собственной глупости. Из-за всех этих абсурдных сумок, которые держала в руках. Из-за всех этих вещей, в которых я не нуждалась, на которые мне было наплевать, которые только мешали теперь и…

А мои талисманы, и весь мой хлам, и мои фотографии… И мой телефон, и моя прекрасная косметичка, и мои ключи, вместе с адресом, с нашим адресом, прямо указанном на ключах, а значит, придется менять замки, а соседки мои сейчас далеко, да и на их понимание в такого рода ситуациях рассчитывать не стоит… А моя кредитка, и мой любимый портмоне, и мои деньги, их деньги… Да, их деньги, черт подери! Десять тысяч евро! Десять тысяч евро, которые я должна была отдать этому их дружку завтра утром! Но

как же можно быть такой идиоткой? Да уж, как по телефону перед Марион выпендриваться, так нет тебе равных, а стоило только поручить тебе что-то важное, так уж и нет никого.

Что мне делать? Что я должна делать? Как меня зовут? Почему я настолько несносна? Почему? И где можно с этим покончить? Где тут у нас Сена? Мама. Мария. Бог мой. Помогите мне.

Господи, сделай так, чтобы. Господи, обещаю тебе. Иисус, Мария, Иосиф, конечно, выгляжу я совсем не так, но на самом деле я очень часто думаю о вас, знаете, и… И десять тысяч евро, черт подери! Но что у меня в конце-то концов с головой? Как можно быть такой дебилкой? Ох… Святой Антоний[9]… Святой Антоний Падуанский, отвори все укромные местечки… Сжалься… Мои фотки, мой телефон, мои сохраненные сообщения, контакты, воспоминания, моя жизнь, мои друзья… А теперь еще и мой велосипед… Мой пристегнутый велик, который уставился на меня как дурак, ведь и его теперь тоже украдут! И мне даже нечем заплатить за такси… И уж тем

[9] Примечания: 9

Святой Антоний Падуанский (1195–1231) — один из самых почитаемых святых католической церкви, считается покровителем бедных и путешествующих, помогает отыскивать потерянные ценности. *(Прим. переводчика.)*

более нечего предложить нашим девушкам из Рошфора[10]… О господи, моя кредитка, с кодом и телефоном экстренной связи, чтобы ее заблокировать, мои друзья, мой безлимитный абонемент в кино, видео первых шагов Луизона, моя тушь «Диор», помада «Коко», записная книжка, ключи от агентства, моя любимейшая фотка из автомата, где я вместе с Филу в супермаркете Hyper U в Планкуэте… и мой бесценный блокнот, и все воспоминания, которые он хранил… и пилочка для ногтей… и десять тысяч условных единиц… и… ох…

Я ревела.

Много.

Слишком много.

Иногда стоит только начать, и одни слезы порождают другие. Я очень долго ревела. Я оплакала абсолютно все. Все, что я в себе не любила, все тайные глупости, что уже совершила, все, что уже по ходу потеряла с того момента, как поняла, что некоторые вещи теряются навсегда.

Я проревела всю дорогу от площади Звезды до площади Клиши.

---

[10] Примечания: 10

«Девушки из Рошфора» (1967 г.) — музыкальная комедия режиссера Жака Деми на музыку Мишеля Леграна. *(Прим. переводчика.)*

Полила слезами весь Париж. Всю мою жизнь.

8

У консьержки нашелся дубликат ключей. Мне хотелось ее расцеловать. В знак благодарности я даже погладила ее собаку. Добравшись наконец до домашнего телефона, я сообщила об утрате банковской карты, нашла в папке «Ремонт» номер и оставила сообщение для сеньора Карвальо, чтобы выиграть время. Какая удача в моей полосе неудач наткнуться на автоответчик. Правда, я сильно сомневаюсь, что он понял хоть слово из той каши, что я ему выдала déou connefousãtionne.[11] Неважно, мне все равно теперь некуда перезванивать. Я заперла дверь на два оборота, отправила по электронной почте отчаянное сообщение Марион, приняла душ, порылась в сестринских вещах, подтырила у них снотворных, накрыла одеялом то, что от меня осталось, и закрыла глаза, повторяя про себя абсолютно тупую фразу Скарлетт О'Хара о том, что завтра будет другой день.

Да уж, маленькая бестия, да уж…

Завтра будет гораздо хуже…

---

[11] Примечания: 11

Здесь: в замешательстве (*искаж. фр. — итал.*)

Мне хотелось умереть. Знаю, глупо было рассчитывать на такое чудо, приняв пару таблеток «Донормила», ладно, проехали, больше всего мне бы хотелось сегодня вечером, чтобы моя мама сидела у моего изголовья и, тихо напевая песенку, нежно гладила меня по голове и чтобы это длилось вечно.

Я принялась тихонечко напевать эту песенку сама себе, чтобы добить себя окончательно, и когда слез больше не осталось, ради восполнения запасов отправилась затариться бутылкой-другой.

* * *

Я с таким трудом одолжила у своего зятя три тысячи, которых мне не хватало на оплату своей части расходов на ремонт, что теперь слабо могла себе представить, как попросить у него еще десять…

Мне и так уже пришлось выслушать его нотацию о белках, стрекозах и муравьях. Нет-нет, ничего серьезного, нет, но от этого было еще противнее. Снисходительные нотки. Покровительственный тон.

Мне не нравилось, когда со мной обращались,

как с маленькой девочкой. Моя мать умерла, когда мне и семнадцати еще не исполнилось, поэтому мне смешон Артюр Рембо со всеми его пивными кружками и шипучкой.[12] В этом дерьмовом возрасте, бывает, становишься очень серьезным. Главное, этого не показывать. Продолжаешь жить, без гроша в кармане, покупаешь всякую чушь, чтобы как-то развлечься, все самое ценное, разумеется, теряешь. Ладно, о'кей, все это печально, но это известный факт, с которым живут, как и со всеми прочими. Вот только не надо больше никаких нравоучений. Нет, это больше не возможно. Тех, кто *знает жизнь* и хочет тебя поучить, уничтожаешь на месте.

Сидя на полу в темноте, прислонившись к дверце духовки, я предоставила мсье Gordon's и мадам Smirnoff позаботиться о моем утешении и забальзамировать мое горе. Я не стану сейчас ударяться в разный психологический бред, но когда мама умерла, мне приходилось сильно стискивать зубы (был ли у меня выбор?), и моя нынешняя потеря этой сумки, когда-то принадлежавшей ей, вместе со всем грузом связей, свидетельств, вос-

[12] Примечания: 12

Намек на стихотворение Артюра Рембо (1854–1891) «Роман». *(Прим. переводчика.)*

поминаний и всех этих мелких штучек, нежных и незаменимых, теперь наконец-то давала мне полное право оплакать свою утрату.

Я смеялась, захлебываясь слезами и шмыгая ношом. Своим лтом выдавала флова, разрывающиеся черте как. Словно куски димани… динами… ди… которыми я… ди… ать… кто это… здесь… мои шлюзы…

Все взлетело на воздух.

Все.

Все.

Все.

9

Проснулась я в 13:38, как показывали часы на дверце духовки, с жесточайшим похмельем. Самым выдающимся в моем послужном списке.

Я лежала, свернувшись калачиком, на кухонном полу и, пристально изучая межплиточные швы, считала «барашков» под мебелью. «Смотри-ка, — говорила я сама себе, — а он здесь, тот маленький ножик, а мы-то считали, что смахнули его вместе с очистками, а он здесь…»

Сколько времени я так пролежала? Часы. Один за другим. Солнце уже перебралось в салон. В наш роскошный салон, совсем новенький и даже еще не оплаченный.

Уф… Еще минуточку, мадам Тарарам… Буквально пару минут еще полежу носом в помойку, а потом отправлюсь в комиссариат, обещаю вам. Я предупрежу своих дражайших соседок и позвоню зятю. Скажу ему: «Эй, Джеф, у меня есть для тебя отличная новость! Мне нужно еще десять тысяч евро! Ну ладно тебе, будь ласков, чего ты… Я буду писать для тебя дебильные комментарии еще сто пятьдесят лет, отрабатывая свои долги. В любом случае, видно, только на это я и гожусь, что ж…

Быть кем угодно и рассказывать что угодно».

Я в саду Маревских в Варенн. Мама объясняет мне, почему не надо рвать крохотные белые цикламены, жмущиеся к подножиям лип:

— Чтобы они могли дать семена, ты понимаешь?

Она говорит мне это уже в сотый раз, но я настолько взволнована ее появлением, что не решаюсь перечить. А потом откуда-то издалека до нас вдруг доносится страшный шум. Гром? — пугается мама, нет, отвечаю я ей смеясь, нет, это ремонт, ты же знаешь, они в квартире сейчас все ломают, и тогда она мне…

Кто-то барабанил в дверь. Черт, который сейчас час? Звонки, крики, чудовищный гвалт. О-о-ох, моя голова-а-а-а… Я приподнялась, у меня… что-то прилипло к щеке… хлебный мякиш… 18:44… Черт, я весь день провалялась под раковиной и… ай… еще этот гадский сифон.

— Открывайте, или я вызову пожарных! — требовал чей-то голос.

Консьержка. Она была вне себя. Она уже третий раз ко мне поднималась. Она с самого утра пыталась до меня дозвониться. Моим соседкам также не удавалось со мной связаться, и они

трезвонили ей.

— А поскольку я поклялась им, что вы здесь, так вот они разволновались, вы понимаете? Подумали, что с вами что-то случилось. О господи… сколько хлопот! Сколько хлопот вы нам доставили!

Мой отец до них дозвонился. Отец, с которым я не разговаривала вот уже несколько лет, но чей телефон по-прежнему значился в моих контактах под именем «Папа» из чистой слабости и/или остатков дочерней любви… но поскольку мадам Старович видела, что я в полной прострации и ничего не понимаю из того, что она мне тут прогоняет, то в конце концов она просто схватила мою руку и ласково так ее потрясла:

— Кто-то нашел вашу сумку…

Она отпустила меня, вытаращив глаза.

— И что? Почему же вы плачете? Не надо так плакать, помилуйте. В жизни все образуется!

Я слишком громко всхлипывала, чтобы подтвердить ее правоту. Я пробовала взять себя в руки, успокоить ее, но видела, что она принимает меня за окончательно сбрендившую, и пока я улыбалась ей вся в соплях, в моем растерзанном грязном мозгу звучал тоненький голосочек: «Ох, спасибо… Спасибо, мама».

10

Я позвонила на Крайний Север. Мне повезло, трубку взяла Полин, иначе моей участи не позавидовала бы и Суассонская чаша,[13] окажись она даже из чистого асбеста.[14] А так у нас получился обычный, не слишком радушный разговор, состоящий из горестных вздохов, язвительных замечаний и минимума информации, процеженной сквозь зубы. Меня все это настолько достало, что в конце концов я прогнала ей какую-то немыслимую хрень (знаю, знаю, в этом нет никакой моей заслуги, это просто моя работа), не рискнув послать ее куда подальше. На сегодня эмоций мне было достаточно. Так что, уточнив усталым голосом, что она не обязана обращаться

---

[13] Примечания: 13

Суассонская чаша — по легенде, была разрублена мечом при дележе трофеев после битвы при Суассоне в 487 году одним из воинов, не согласившимся отдать ее королю франков Хлодвигу, который собирался по просьбе епископа вернуть ее церкви. Годом позже на военном смотре Хлодвиг разрубил голову непокорному воину со словами: «Вот так и ты поступил с той вазой в Суассоне». *(Прим. переводчика.)*

[14] Примечания: 14

Асбест — токсичный канцерогенный материал. Его опасность для здоровья, полный запрет на использование, а также меры по выявлению, изъятию и уничтожению этого материала в ранее построенных зданиях широко обсуждаются во Франции с конца 90-х годов XX века. *(Прим. переводчика.)*

со мной как с полоумной, я сказала, что их конверт уже не лежал в той сумке и их денежки целы и невредимы. Все хорошо. Конец психодрамы. Расходимся.

Ха… Как же она сразу расслабилась, маленький мой волчонок… Ее голос стал теплее градусов на десять, и все ее объяснения прояснились. Я, конечно, выслушала все то важное, что она имела мне сообщить, но именно в этот момент поняла, что тягостным годам нашего душевного согласия пришел конец и я съеду с квартиры на улице Дамремон как можно скорее. Жизнь коротка, и уж лучше я соглашусь на изгнание в пригород (бррр), чем буду жить с теми, кому доставляет удовольствие читать мне нотации и строить страшные глаза.

Ненавижу всю эту мораль и морализаторов. Мне на них насрать. Особенно, когда весь этот священный огонь, так греющий им душу, питающий их проповеди, выговоры и благородное негодование, оборачивается ворохом купюр.

Ладно… уф… прекрасная фраза, полнозвучная и красивая, от каждого оборота так и веет дядькой Гюго, вот только все это пустой звон, такой же, как царит в моей голове: десять тысяч евро растворились в воздухе, а в Деда Мороза я уже

давно не верю. Даже если этот тип, позвонивший «Папе» из моей записной книжки, нашел мою сумку, он не вернет мне ее содержимое.

Увы, но нет…

Все, конечно, как-то уладится, но, исходя из этого, утверждать, что жизнь прекрасна, уже чересчур.

И где я возьму эти чертовы бабки? Але-оп: мозг снова включился в турборежим. Но теперь это не страшно. Теперь мы перешли к материальному миру, а на материальное нам плевать.

Материальные ценности не умирают в больничной палате.

Единственное «но» заключалось в том, что этот тип предупредил моего предка, — а тот передал его слова моим дурочкам, — что он уезжает из Парижа на весь длинный уик-энд (следующий понедельник — нерабочий день) и предлагает мне встретиться с ним в том же кафе, где я забыла сумку, только во вторник около пяти часов вечера.

Сначала я было подумала, что это какой-то нахал и что он мог бы отдать мою сумку хозяину бара, а потом сообразила, что, может быть, именно из-за этих денег он не решился так поступить. В конце концов конверт был не запечатан… И я,

бедняжка, снова уверовала в Деда Мороза…

Позже я пошла проветриться к Марион, и мы отметили мое воскрешение.

Самым достойным образом.

11

Следующие три дня прошли странно. Сестрички устроили себе маленький отпуск (да-да, им двадцать восемь лет и они всегда подстраиваются так, чтобы провести свободное время *всем вместе* с родителями и их толстым Папуем), так что до вечера вторника я осталась одна.

Я не находила себе места. Я ждала. Хоть кого-то, хоть что-нибудь, хоть какого-то облегчения, хоть какого-то разочарования.

Хоть какую-то историю.

Я занялась делами совсем мне не свойственными: уборкой, глажкой, разбором корреспонденции. Я перебирала вещи, бумаги, книги, диски. Просматривала обложки, перечитывала по ходу некоторые страницы. Компьютер я не включала. Занимала руки, чтобы отвлечь голову. Извлекла на свет божий конспекты лекций и материалы к диплому, нашла серию своих эскизов, сделанных в музее машин в Компьене.

Все это было сто лет тому назад, одним прекрасным осенним днем… об этом напоминала мне нежность моей штриховки.

Я спрашивала себя, почему я все это забросила. Мне нравились мои истории про колесные средства, к тому же моя совесть оставалась чиста: я не вносила своего ослиного вклада в ту чушь, которой и без меня хватало в искусстве. Почему вместо этого я продавала какие-то йо-йо? Почему я называла себя Choubi_angel и изъяснялась как придурок, перемежая свою речь этими идиотскими смайликами?

Почему я до сих пор так и не съездила полюбоваться конюшнями дворца Хет Лоо[15] близ Апельдорна, повосхищаться переносимой на носилках очаровательной коробкой акварельных красок королевы Вильгельмины и ее белоснежным катафалком? А? Почему?:-(:-/:’-(

Я училась жить, отказавшись от телефона, смс, мейлов и автоответчика.

Отказавшись от любимой игрушки, за которую хватаешься по поводу и без…

Я училась справляться с апатией повседневности и находить в этом некоторую радость. Скоро ль время варить варенье и вышивать на пяльцах? Я была рассеяна, заговаривалась, думала о… о том

---

[15] Примечания: 15

Летний дворец нидерландской королевской фамилии. Построен штатгальтером Вильгельмом III в 1680-е годы. *(Прим. переводчика.)*

мужчине, что уехал на выходные, унеся с собой частичку меня в сумке, перекинутой через плечо. Я думала о том, сколько ему лет, деликатен ли он, хорошо ли воспитан, любопытен ли, звонил ли он по каким-то еще телефонам, прежде чем попробовал номер моего отца, просмотрел ли он мои фотографии, поглаживая экран, пролистал ли мой дневник, заглянул ли в мои документы, чтобы узнать, на кого я похожа — на водительских правах я бритая под ноль (каждый носит траур как может), а на моем абонементе в кино выгляжу эдакой девочкой-припевочкой, — нашел ли он мои презервативы Hello Kitty, мой крем от кругов под глазами, мой листик клевера с четырьмя «лепестками», мои тайны…

Изучал ли он все это прямо сейчас, в тот момент, когда я о нем думала? А что там с десятью тысячами? Пересчитал ли он их? Возьмет ли комиссию за свою безупречную службу? Или прикинется удивленным? А, что вы говорите, там еще был какой-то конверт? Не знаю, я ничего не трогал… Да, я и к такому варианту была вполне готова: ведь если он обнаружил мою сумку сразу после моего ухода, то почему просто не догнал меня на улице? Я шла небыстро. Два мохито в желудке, и целая жизнь впереди…

Почему?

Потому что он медленно соображает? Рассеян? Псих? Да, и где же он сидел? И как это я могла его не заметить, если, слегка напиваясь, я больше всего на свете обожаю смотреть по сторонам?

Длинные пасхальные выходные — для того чтобы размеренно и вместе с тем лихорадочно отдохнуть в своей горячо любимой квартире, в которой мне больше не хотелось жить, несколько часов тишины, примирения, накануне встречи, занимавшей все мои мысли, но оставлявшей меня равнодушной.

Впервые за долгие годы мне снилась мама, я видела ее еще не бритой наголо, слышала ее голос. Такой подарок стоил десяти тысяч евро и моря слез, и, если б я это знала, я б уж давно ее потеряла, эту ее сумку…

12

Конечно, теперь, оглядываясь назад, я думаю, что могла бы уже заподозрить неладное где-то, так скажем, с часу дня вторника, это точно.

Я могла бы себя спросить, святая наивность, с чего это я столько времени провела, наводя на себя красоту. С чего это я столько напомаживалась гелями да кремами, чистила перышки, расфуфыривалась, почему я сначала надела платье, потом переоделась в брюки, потом снова надела платье, и почему в этот день моя кожа была такой нежной, плечи обнаженными, а губы вишневыми?

Правда, Матильда, почему?

Тирания. Тирания сварливых. Я хорошо выглядела, потому что была весела, а веселилась, потому что была счастлива. На самом деле было неважно, что мой ангел-хранитель оказался мужчиной (насколько мне было известно) (какой-то «тип», как передала мне Полин, «какой-то тип подобрал твою сумку в баре, где вы были»), назначь мне встречу хоть пожилая дама, хоть самый последний недоносок, я все равно бы не менее тщательно к ней готовилась. Ибо я чествовала

не его, отправляясь в город так легко и коротко одетой, я чествовала жизнь.

Жизнь и ее столь редкие подарки.

Жизнь, весну и обретение потерянного. Я хорошо выглядела из благодарности.

Матильда…

Ладно, о'кей. Я хорошо выглядела *также* и потому, что шла на свидание. Назначенное по телефону, не просто так, и все же неожиданное.

Это свалившееся на меня с неба свидание с кем-то, с кем априори можно иметь дело, свидание в Париже, неподалеку от легендарной громадины, воздвигнутой во славу императора Наполеона, свидание, назначенное на время вечернего чаепития, к тому же просто из честности.

Я выглядела хорошо, потому что все-таки это было лучше, чем знакомство по интернету, черт побери!

Ну вот, теперь, доктор, вы знаете все…

Около парка Монсо я купила цветов.

Я положила их в свою корзинку и, чтобы не опоздать, принялась что было мочи крутить педали.

Охапку розовых пионов для незнакомца, вернувшего меня к жизни.

13

Ладно, ладно, ладно… если верить тому, что передали мне по сарафанному радио, то есть по самому приблизительному и не заслуживающему доверия из всех земных каналов связи, то он, этот тип, сказал не «в пять», а «в районе пяти», именно об этом я и старалась думать, поскольку уже давно было полшестого и мои цветы начинали выглядеть понуро.

Никого из официантов я не узнала и не смогла противиться мрачным мыслям: никто не придет, это розыгрыш, чья-то грубая шутка, месть какого-то извращенца или очередная унизительная выходка моего отца. Или же это дело рук Жавотты с Анастасией.[16]

Надо мной решили посмеяться. Это мне в наказание за мою легкомысленность и за доверчивость потом. Да уж, разбился и мой кувшин молока,[17] и все мои воздушные замки. В оче-

---

[16] Примечания: 16

Сводные сестры Золушки. *(Прим. переводчика.)*

[17] Примечания: 17

Отсылка к басне Жана де Лафонтена (1621–1695) «Молочница и кувшин молока». *(Прим. переводчика.)*

редной раз все было подстроено. В моем профиле появился дурной комментарий. Меня тегировали. Мне испортили сайт и форумы. Какой-то идиотский тролль похитил мою сумку, мои документы, воспоминания, деньги моих соседок, а заодно и все мои последние иллюзии. Или же он… Я старалась успокоиться: быть может, он просто опаздывает? Или же мы все друг друга не поняли и речь шла не о вторнике, а о среде. Или же о вторнике, но на другой неделе?

Между тем я села на то же самое место, что и тогда, и вела себя хорошо. Вначале я даже сидела непринужденно и типа читала какой-то увлекательный роман, поджидая, когда наконец некий незваный гость прервет мою отрешенность своим неловким покашливанием «Гм-гм…», но теперь роль Спящей красавицы была давно забыта, мне уже не сиделось спокойно, и я настолько отчаянно следила за входной дверью, как какая-нибудь уродка, отфотошопившая свои фотографии, что это выглядело отвратительно.

Я подскакивала всякий раз, как в дверях появлялся чей-либо силуэт, и тяжело вздыхала, когда на меня не обращали внимания. Еще пятнадцать минут, и я попробую перезвонить Полин. Отцу — ни за что. Лучше уж сдохну как собака.

Один из официантов, внимательнее остальных, в конце концов заметил мои пляски святого Витта.

— Вы ищете туалет?

— Нн… нет, — пробормотала я, — у меня тут назначена встреча с… уф… В общем, я жду человека, который…

— Это по поводу сумочки, верно?

Я готова была расцеловать его в десны, этого высокого голубчика. Должно быть, он это почувствовал, потому что как будто слегка растерялся.

— Но… он что, уже ушел, да?

Опершись о колонну, слева от меня, он вытянулся вперед и обратился к кому-то, сидящему на невидимой мне банкетке:

— Эй, Ромео… Просыпайся, она здесь, твоя мышка.

Я очень медленно обернулась. Не то чтобы я смутилась, но чувствовала себя ужасно неловко. Пожалуй, даже уязвленной тем, что он был так близко, причем уже так давно.

И в прошлый раз тоже, должно быть, он сидел на том же самом месте, в своей засаде, притаившись в темноте, и… уф… это было… В общем, это была не очень честная игра, чего уж там… Хорошее воспитание, молодой человек, требует

не прятаться от дам.

Я очень медленно обернулась, потому что внезапно вспомнила все, что он мог или должен был слышать. Начиная от моей встречи с соседкой, с ее «незаметным» конвертом, с ее страхами и моим бахвальством и тем, как горячо я ее приободрила, тогда как пару минут спустя уже плевать на нее хотела, имитируя ее голос в телефонном разговоре с Марион. И… Ох… Хм… Телефон… Все эти истории с парнями, и наше ржание разгоряченных мандавошек… И… и мои трусики… и мое сосание ледышек, и… Ох… На помощь.

Я обернулась, крепко сжав зубы и уже ища взглядом какую-нибудь мышиную норку, чтобы спрятаться в ней, пока он еще не до конца проснулся.

Но он спал. Хотя нет, он не спал, потому что он улыбался.

Он улыбался с закрытыми глазами. Как кот. Огромный котяра, в восхищении от собственной шкоды.

Чеширский кот Матильды в стране Бед и Хлопот.

— Вот видите… Он был совсем рядом… Ладно, хорошо, я вас оставлю, да? — сказал официант и испарился.

Бульк.

14

Через несколько секунд, показавшихся мне вечностью, за время которой я успела обработать картинку: damned,[18] проклятье, опять неудача, он некрасивый, толстый, у него торчит вихор, одет как пентюх, побрился прямо перед встречей, дважды при этом порезавшись, грызет ногти, от него непонятный запах, и я не вижу своей сумки, — он наконец открыл глаза.

Он смерил меня очень странным взглядом. Словно держал на мушке или же втайне бросал мне вызов. Он провел пальцем по веку, снял ресничку и снова закрыл глаза.

О черт, подумала я, мало того, что он урод, так он еще и напился. Или же обкурился. Да, да, конечно, да у этого кретина, у него же вся Ямайка в крови…

Я незаметно чуточку передвинулась, чтобы посмотреть, нет ли у него под ногами моей сумки, готовая схватить ее и бежать, оставив его наедине с его тихими радостями составителей гербариев. Увы, нет, под столом моему взору предстала лишь

---

[18] Примечания: 18
Здесь: черт возьми (*англ.*)

пара ужасных ботинок. Такие черные тупоносые башмаки первого образца жандармского обмундирования и в придачу к ним белые теннисные носки с полоской — в общем, аминь.

Ох, девочка моя…

Как же ты могла так низко пасть?

Так, ладно, не буду же я вот так вот на него смотреть, пока он дрыхнет, и считать его шрамы. Я повернулась обратно и снова открыла книгу, ожидая, пока виновник этого… как я там говорила? свидания? «нечаянного»? «с неба на меня свалившегося»? не соизволит вспомнить обо мне.

Прошло десять минут, я не продвинулась ни на строчку.

Я была вне себя. И что я здесь делала? *Кого* это я ждала? И *кто* это так откровенно надо мной издевался?

Я закрыла книгу, взяла цветы и собралась уходить.

— Матильда?

Потом отчетливее:

— Матильда Эдме Рене Франсуаза?

Я навострила ухо и приподняла бровь.

— Девочки, хотите что-нибудь выпить?

Да уж, везет как утопленнице: он еще и юморист.

Ладно, это как минимум означает, что у него есть мое удостоверение личности, хоть что-то.

Увидев мои колебания, он немного расстегнул молнию своей куртки так, что я увидела свою сумку у него на груди. На том он и остановился, положил руки на стол, посмотрел на них, поднял голову, взглянул мне прямо в глаза:

— Простите… Очень рано встал. Вы идете?

15

Я села напротив него.

Некоторое время мы с ним поиграли в гляделки — кто кого, довольно долго, но потом я проиграла. Я спросила его:

— Вы в пятницу тоже сидели здесь?

— Да.

— Тоже спали?

— Нет.

— Я вас разбудила?

— Это мне цветы? Как мило.

Он взял у меня из рук цветы и протянул взамен мою сумку.

Она была теплая. Я прижала ее к себе и… и жизнь вернулась.

Интуитивно, по весу сумки, по тому, что он был некрасив, и по тому, как улыбался, по его порезу, запекшейся запятой видневшемуся у него под правым ухом, по его дешевым шуточкам и тому, как он вежливо прикрывает рот рукой, пряча свою зевоту, я точно знала, что он ничего у меня не взял. И в тот момент, когда я это осознала, я поняла и то, что думаю вовсе не о конверте с деньгами, а обо всем остальном. О себе. О своей

сущности и своей вере в человечество. Обо всех ударах судьбы, выпавших на мою голову в том возрасте, который принято считать нежным, которые, конечно, сильно меня затронули, да, но все же не изуродовали вконец…

— Так что вы будете пить?

Он сделал заказ, и мы снова принялись недоверчиво изучать друг друга.

В духе первого знакомства двух целомудренных мормонов это было горячо. Некоторое время спустя я все же попыталась продолжить разговор, спросив его слегка придурковатым тоном:

— А вас и правда зовут Ромео?

— Нет.

— А?

— Меня зовут Жан-Батист.

— А…

— Вы разочарованы?

— Уф… нет.

Да уж, прямо-таки конкурс по риторике…

Я вспоминала знакомые мне живописные работы, изображающие святого Жан-Батиста,[19] вернее его голову на серебряном блюде, и видела

[19] Примечания: 19

Святой Жан-Батист: так во Франции называют Иоанна Крестителя. *(Прим. переводчика.)*

там его. Оставалось только засунуть ему по веточке петрушки в каждую ноздрю.

Хихикая про себя, я, пусть и не слишком быстро, все же взяла себя в руки. Меня задело то, что столь заурядный молодой человек может настолько вывести меня из себя.

— Вы так радуетесь, потому что сумку нашли?

— Да, — улыбнулась я.

Принесли наши напитки: мне чай (мои добрые намерения), а ему двойной эспрессо, в который он старательно положил два или три кусочка сахара. Или даже четыре.

— Восстанавливаете силы?

— Да.

Мы снова замолчали, попивая свои чай-кофе.

Он смотрел на меня.

Он смотрел на меня так, что становилось неловко.

— Я вам кого-то напоминаю?

— Да.

О'кей…

Ух… Непростым оно оказалось, наше дело… А мне абсолютно не хотелось поддерживать с ним разговор. Мне было не по себе, мне казалось, что он заучивает меня наизусть, и из-за этого

неуместного прилежания он выглядел как идиот. Кстати, до такой степени, что я даже, помнится, подумала, не впрямь ли он немножечко ку-ку. В смысле — заторможенный слегка, словно недоношенный. У него был чуточку приоткрыт рот, и я с ужасом ждала момента, когда оттуда потечет слюна.

Бог свидетель, я все-таки пыталась: воздух сегодня свеж, Париж — большой город, туристы повсюду, голуби летают, ну и какие-то еще вступления в том же духе, достаточно мощные, но он меня не слушал. Он снова погрузился в экстатическое блаженство, и я почувствовала себя чем-то навроде лурдского грота, только без Мадонны и четок.

Ну вот, и зачем только обновила свое красивое белье, спрашивается…

Не знаю, что вывело его из оцепенения, но в какой-то момент он вдруг фыркнул, посмотрел на часы и принялся искать свой бумажник:

— Мне пора идти.

Я ничего не ответила. Вздохнула с облегчением. К тому же мне не терпелось проверить, не ошиблась ли я. Люди, я их люблю, но все-таки немного им недоверяю, в силу опыта. Должно быть, он прочел мои мысли, потому что в тот

момент его взгляд переменился: он посмотрел на меня с некоторым… презрением, что ли.

— Ты видишь этот чемодан?

Нет, я его раньше не замечала, но действительно у его правой ноги стоял тонкий бежевый кейс.

— Смотри…

Он указал мне на цепочку, соединявшую ручку чемодана с ремнем его брюк.

— Это стоит не столько, сколько лежит в твоей сумочке, но… просто для меня, это все же зарплата за несколько месяцев…

Он замолчал. Я думала, он потерял нить своих мыслей, и уже собиралась было ляпнуть глупость, чтобы как-то сгладить неловкость, но он вдруг совсем тихо добавил, теребя свою цепочку:

— Знаешь, Матильда… Если ты в жизни чем-то по-настоящему дорожишь, сделай все, что надо, чтобы это не потерять.

О, ну знаете ли… И кого это я опять подцепила на улице? Просветленного? Сына проповедника? Свидетеля Иеговы, переодевшегося пентюхом с полным атташе-кейсом апокалипсисов и несуразных молитв?

Конечно, я сгорала от любопытства узнать, что же такого драгоценного он с собой носит, но не

хотелось уделять ему слишком много внимания и… И, кстати, почему это он мне тыкает?

— Знаешь, что там?

На помощь. Большая игра. Плащ, аксессуары, все дела.

— Подушка?

Это его не рассмешило. Или же он не расслышал. Он поставил свой чемодан на стол, набрал какой-то код, повернул ко мне и поднял крышку.

И тут, признаюсь, я увидела то, чего вовсе не ожидала. Он захлопнул чемодан и встал.

Ну и… уф… что сказать? Этот быковатого вида увалень с очень ограниченным словарным запасом разгуливал с целым чемоданом ножей.

На самом деле, это был Рэмбо, просто я его не узнала.

Он уже стоял у стойки бара, расплачиваясь по счету.

Ну и история… Ладно, чего уж там, я тоже поднялась.

Все это было прекрасно, но мне — мне не терпелось пересчитать мои деньги!

Он приоткрыл передо мной дверь и придержал ее ровно в тот момент, когда я проходила под его рукой. Ненадолго, на доли секунды он, как будто

сам себе наступил на шнурок, потерял равновесие и чуть не упал прямо на меня. Чуть-чуть. На мгновение. Не успела я оскорбиться, как мы с ним были уже на улице. Но я почувствовала, как теплый кончик его носа коснулся маленькой косточки, выступающей сзади у основания шеи.

Я слишком спешила со всем этим покончить, чтобы утруждать себя какими-то замечаниями, поэтому просто быстренько высвободилась.

Эй. Никаких шашней с таким простофилей. Пусть проваливает вместе со своими чертовыми резаками.

Возвращайся в свои джунгли, Чита,[20] давай…

Все-таки мне не хотелось, чтобы у него осталось обо мне дурное впечатление. Он никогда об этом не узнает, но я ему многим обязана.

Так что будь храброй, святая покровительница неудачников всего мира, будь храброй. Улыбнись дяде. Какое-нибудь доброе словечко на прощание, от тебя не убудет.

— Ваша куртка… — сказала я, — она странно пахнет…

---

[20] Примечания: 20

Чита — персонаж-шимпанзе, появлявшийся в многочисленных голливудских фильмах о Тарзане 1930 — 1960-х годов, а также в телесериале 1966–1968 годов, в качестве «товарища» главного героя. *(Прим. переводчика.)*

— Пахнет оленем. Это оленья кожа.

— А? Да что вы? Я не знала. Ладно, хорошо, я… я с вами прощаюсь и еще раз вас очень благодарю.

Я протянула ему руку, но возникла проблема: он сжал ее в своей и не отпускал.

— На самом деле, — пробурчал он, — уф… я… Я бы хотел еще раз с тобой… с вами встретиться.

Я громогласно расхохоталась, чтобы раз и навсегда с этим покончить, и добавила:

— Послушайте, не знаю почему, но мне кажется, что у вас и так уже есть все мои координаты…

Я произносила эти слова, одновременно осознавая, насколько фальшиво они звучат, и они, и этот мой унизительный снобский смех.

— Нне… нет, — пробормотал он, разглядывая мою руку.

Он внезапно побледнел.

Бледный, серьезный, беспомощный и грустный, он теперь выглядел лет на десять старше. Он поднял глаза, и впервые мне показалось, что он действительно видит меня.

— Да, конечно, у меня было все, но я… у меня ничего больше нет, потому что я тебе… я вам все отдал.

Уф… Я задумалась, не пытается ли он меня

разжалобить. Выглядел он искренне, но все же чуточку перебарщивал, разве нет?

Мой внутренний голос заистерил: «Эй, только не давай ему свой телефон. Ты же видишь, что этот парень, он конченый псих. Ну да, конечно. Посмотри. Посмотри на него! Посмотри на его лицо. Словно приехавший из глубинки дальний родственник Джека-потрошителя. К тому же не знаю, заметила ли ты, но у него отсутствует часть пальца на руке. Большая часть. Ну и потом, ладно, он порядочный, тут ничего не скажешь, но он ведь урод, чего уж там… Эта история принесет тебе одни неприятности, и ты сама это прекрасно знаешь. Сколько раз ты уже наступала на эти грабли. Давай, ошибись, Матильда… Хотя бы в последней цифре тогда… Не в первый и не в последний раз».

Нет, но все-таки… он вел себя очень достойно…

Да откуда ты знаешь, идиотка? Ты ведь еще даже не открывала ее, эту свою чертову сумку!

Возможно, но все же вот она у меня в руках. И я не оплакиваю сейчас свою матушку, сидя где-нибудь в комиссариате полиции.

Ведь я всегда могу дать ему свой номер, а потом просто не брать трубку…

Как хочешь, но, честное слово, ты сама ищешь

неприятности на свою задницу, ясно?

Да, это правда, за последнее время у меня и так уже накопилось достаточно удручающе неудачных романов. Не знаю, быть может, у меня с Купидоном какие-то старые счеты, но сколько страданий принес мне этот косоглазый толстячок… Ладно, проехали, не об этом речь, я собиралась все-таки дать Жан-Батисту свой номер телефона, опасаясь, что у него сохранился номер моего отца и в отчаянии он снова его наберет.

Псих он или нет, но мне бы все-таки хотелось как-то от него отвязаться.

— Скажите… не могли бы вы отпустить на секундочку мою руку?

Он так сильно сжимал мою ладонь, что краснота его толстых пальцев передалась моим.

Я написала ему свой номер на билетике метро.

Он долго его разглядывал, словно проверяя годность, потом убрал в глубины своего портмоне, положил портмоне во внутренний карман куртки, еще раз меня оглядел, кивнул головой и пошел прочь.

Фух…

Я сделала три шага и обернулась, потому что мне, по правде, было неловко из-за всего того

дурного, что я успела себе напридумывать:

— Эй… уф… Жан-Батист!

Он обернулся.

— Спасибо!

Последний взгляд, последняя улыбка, самая холодная из всех. Последнее пожатие плечами, которое могло означать «Не за что», «Отстань» или вообще «Давай проваливай», и он отвернулся и пошел дальше.

Я смотрела, как он удаляется, переходит на другую сторону авеню Фридланд, слегка сутулый в этом своем олене, неся свои огромные ножи в одной руке и букет пионов в другой, и я… я была взволнована.

Настолько сильно, что только уже будучи дома, я наконец открыла сумку, чтобы пересчитать наличность.

16

Все деньги были на месте. И в конверте, и в моем кошельке. По непонятной для меня причине, по причине, которая мне не нравилась, я как будто бы даже слегка расстроилась.

Я переоделась в джинсы, доложила свои пять тысяч в этот чертов конверт и оставила его на кухонном столе с запиской примерно следующего содержания: «Вот вам ваши деньги, а теперь оставьте меня в покое с вашим дурацким ремонтом» — и смылась.

Мои дорогие фландрийки должны были появиться с минуты на минуту, и это было выше моих сил. Даже Марион. Все вообще. Все мне стало непосильным.

Я почувствовала, что мне снова хочется плакать, и отправилась в кино смотреть какую-то романтическую комедию.

Акт второй

1

Как только пошли финальные титры, — вот уж не думала, что когда-нибудь в этом признаюсь, ладно, раз уж дошла до такого, больше, наверно, не стоит строить из себя задаваку, — я достала мобильный в надежде на пропущенный вызов.

В надежде, что он звонил. Жан-Батист Настоящий Воин.

Конечно, тогда бы я поклялась всеми святыми, что нет, дело не в этом, это черт знает что, но если честно взглянуть назад, на ту нечестную высокую девушку, которая поднималась вверх по улице Коленкур тем апрельским вечером, покрепче стянув на груди полы своего потрепанного пухового пальто, — я вот вижу ее как сейчас и говорю вам, уважаемая секретарь суда, можете так прямо и записать — все ее мысли по-прежнему занимал сюжет шестичасового сеанса.

Держа в кадре его лицо, прокручивая в голове по кругу один и тот же диалог (незабываемый) и пересчитывая заново каждый кусочек сахара, который он себе положил, она теребила в кармане немой кусок пластмассы.

И растворилась в темноте. Стоп, мотор, снято.

* * *

И что же дальше? Дальше жизнь пошла своим чередом.

Ведь так, не правда ли, говорят, когда ничего не происходит?

Когда забываешь все свои прекрасные решения, отбрасываешь мечты о свободе (зачем уезжать, когда мою комнату только что покрасили?) и о высоком (зачем снова браться за учебу, когда компьютер служит мне «однорукими бандитом»?) и продолжаешь выпивать и трахаться налево и направо, сочиняя самой себе совершенно неромантические комедии.

Раздеть Поля, чтобы одеть Пьера, чтобы в конце концов оказаться голой в руках Жака.

Да, это именно так и называется.

Молодость…
Этот зал ожидания…

Во что же превратился мой одержимый соня? В комический эпизод, в анекдот, в забавную историю для застольной беседы. Заметьте, мой рассказ пользовался успехом… При каждом следующем пересказе у моего героя становилось все больше ножей и все меньше фаланг. Под конец

он окажется похож на Оружейного барона[21] из Калькуттского лепрозория.

Вначале я думала о нем. В нем было нечто такое, что до сих пор меня волновало: это его авторитарное «Вы идете?», тщательность, с которой он осмотрел меня с головы до ног, его такой несчастный вид, когда он говорил о том, чтобы встретиться снова, и то, что он, судя по всему, не сильно рылся в моих вещах, иначе самостоятельно бы нашел мои координаты. А потом я вспоминала его белые носки и с новым пылом возвращалась к своим жлобским интернет-задачам.

Мой старый добрый встроенный GPS был прав: это тупик.

* * *

Трижды в течение следующих дней со мной пытались связаться среди ночи, не оставляя сообщений. В первый раз я подумала, что ошиблись номером, во второй — засомневалась, а в третий раз твердо знала, что это он: я узнала его молчание.

---

[21] Примечания: 21

«Оружейный барон» (2005 г.) — криминальная драма режиссера Эндрю Никкола с Николасом Кейджем в главной роли. *(Прим. переводчика.)*

Хотя было уже два часа ночи, я еще не спала и попробовала ему набрать, но он звонил мне с какого-то городского номера, и мои звонки затерялись неизвестно где.

И тут что-то во мне разладилось. Отказавшись от собственного принципа — одного из редких причем (настолько же морального, насколько и «гигиенического», если так можно выразиться), я легла спать, положив включенный мобильный себе под подушку. Тем хуже для волн, онкологии, моей гордости и моего сна: мне надо было разобраться. Кто это так украдкой пытается до меня дозвониться, делая все возможное, чтобы меня не застать? Кто это? А если это он, то почему? Что ему от меня надо в конце-то концов? В тот момент я еще не оценила всего… ну, не знаю… всего значения этого поступка, что ли… ведь, тревожа сон, проще простого влезть в личную жизнь человека.

Отныне каждый вечер я ставила звонок на максимальную громкость и делила свою постель с фантомом.

Я реже появлялась на людях. Да, меня саму убивает такое признание, и у меня была тысяча объяснений для любого, кто захотел бы подколоть меня на этот счет, но факт остается фактом: я реже

выходила из дома. Следующие десять дней, вернее десять ночей, прошли без происшествий, и я решила снова выключить звук, потому что плохо спала. Время от времени я просыпалась, чтобы посмотреть, не мигает ли сигнал пропущенного вызова, не сдох ли телефон под подушкой.

Как же я на него злилась. Злилась сама на себя. Да, я чудовищно злилась сама на себя за то, что превратилась в такую рохлю. Я злилась на нас обоих настолько сильно, что в тот вечер, прекрасно помню, ложась спать, пообещала себе, что это будет в последний раз. Что это его последний шанс возобновить свои появления.

И пошел он к черту со всеми своими цепочками, ножами и звонками украдкой, я устала от этого дерьма.

Звонки, смски, скриншоты, чаты и мейлы — я больше не желала всех этих виртуальных границ на моей карте Нежности.[22]

Я свое уже отдала, настрадалась, внесла свою лепту во все эти дурацкие, абсурдные химеры, к которым нас обязывает любовь в цифровое

[22] Примечания: 22

Карта Страны Нежности — карта воображаемой страны, приложение к роману «Клелия, римская история» французской писательницы Мадлен де Скюдери (1607–1701), представляет собой анализ любовного чувства в виде аллегорической топографии. *(Прим. переводчика.)*

время.

Да, я устала. Хуже того, я чувствовала себя обобранной, обессиленной, опустошенной оттого, что пережила так много романов без любви. Теперь я хотела только настоящих отношений и настоящих людей с настоящим жирком и всем тем, что полагается, в противном случае предпочитая пропустить ход.

Ну а поскольку он очень крут да и в вопросах жира не знал себе равных, то этой ночью он позвонил.

2

Должно быть, он позвонил раньше, чем в предыдущие разы, потому что я еще пребывала в первом глубоком сне и не сразу смогла понять, во сне это или наяву я протягиваю руку и чувствую, как к моему уху прижимается твердый, теплый и гладкий предмет.

Ничего не последовало. Значит, это был сон. Заспанная, я все-таки пробормотала:

— Жан-Батист?

— …

— Это вы?

— Да.

— В другие разы это тоже были вы?

— …

— Почему ты это делаешь? Почему ты молчишь?

— …

Я свернулась в клубок, прижавшись к телефонной трубке. Это длилось долго. Слишком долго. Я засыпала, пока дожидалась его ответов.

Не знаю, сколько прошло минут. Наутро мой журнал звонков сообщит мне, что наш разговор длился два часа тридцать четыре минуты, но,

наверно, я просто плохо повесила трубку. В какой-то момент до меня донеслось:

— Ябыхотевасудотовить.

Тут я открыла глаза и в свою очередь онемела.

Он заволновался:

— Вы еще здесь?

— Да.

— Понимаешь, я… я повар.

— …

— …и я бы хотел для тебя что-нибудь приготовить.

Ах, простите. Мне-то послышалось «я бы хотел вас удовлетворить». Но… уф… в каком же это мы оказались измерении? Какой-то застенчивый чокнутый повар, к тому же страдающий бессонницей, звонит мне в четверть первого, чтоб зачитать свое меню… Спите спокойно, друзья! Ложитесь обратно спать! Все под контролем! С поцелуями от святой Анны!

— Ты хочешь?

— Сейчас?

— Нет-нет, — его голос повеселел, — мне все-таки надо подготовиться!

— Когда?

— Я тебе скажу. Я все организую. Ты можешь записать номер телефона и перезвонить мне

завтра в это же время?

Ну надо же какой удобный график!

— Слушаю.

Я наугад подцепила какую-то книгу с ночного столика. Сквозь сон при свете телефона я записала серию цифр под его диктовку. А дальше я не помню. Еще раз или два я услышала свое имя, но уже не смогла бы сказать, был ли это его голос или всего лишь отзвуки моего сна.

3

Наутро я убедилась в том, что все это мне не пригрезилось: на титульной странице «Пугала» Майкла Коннелли[23] — не правда ли смешно? — был нацарапан номер телефона.

Главная проблема заключалась в том, что, судя по всему, я и впрямь была тогда в полной отключке, потому что теперь и сама не могла разобрать, что написала. Вот здесь, это семерка, или тройка, или единица? А тут? Двойка, тройка или пятерка?

Ладно. Переберу все варианты.

В математике я ничего не петрила и уж тем более в расчетах вероятностей, но заранее предчувствовала, что эта досадная неприятность отнимет у меня некоторое время.

Кроме того, ждать до полуночи, а потом набирать наобум номера было просто неприлично. Я могла разбудить кучу добрых людей, а заодно меня бы по ходу линчевали. Так что я взялась за дело около десяти и хорошо сделала, потому что

---

[23] Примечания: 23

Коннелли, Майкл (Michael Connelly, 1956 г. р.) — американский детективный писатель. *(Прим. переводчика.)*

двумя часами позже я все еще не нашла своего шутника.

Мне отвечали все менее любезно, и я начала путаться в сочетаниях цифр. Я уже не помнила, какие номера успела набрать, без устали спрашивая Жан-Батиста и отвечая «Ой, простите», извиняясь и будоража все подряд семьи Парижского региона, чьи номера телефонов начинались с «01.42», «01.43» и «01.45», и… ох, а потом я бросила.

Эта фигня не выходила у меня из головы. Он перезвонит сам…

Мономаньяки, если уж они за что взялись, — никогда не отступятся.

Я чувствовала себя на грани нервного срыва, мой супердетектив был весь исчиркан, мобильник перегрелся.

Я вышла из дома.

Пошла подышать свежим воздухом вместе с другими, более разговорчивыми, полуночниками.

Да, это правда! Он начинал действовать мне на нервы, этот проклятый аутист! Пусть катится к чертовой матери! Пусть готовит жратву для девок своего уровня! К тому же я равнодушна

к еде! Плевать я хотела на всю эту вашу французскую кухню! Мне корочку хлеба дай — я уже довольна!

Ох, как же я была зла… Сыта по горло, когда он еще и к плите не вставал, этот идиот… Накрутив себя до предела, я исходила желчью. Мне надо было как-то отвлечься, отпустить ситуацию, позабыть обо всех этих глупостях, мне нужен был мой Жанно.

Да, я должна пойти танцевать, пить и забывать его.

И я что было сил крутила педали, все крутила и крутила, все сильнее теряя голову.

Я обращалась к звездам.

Я кричала небесам:

— Почему такие глупости вечно случаются именно со мной, а? Эй, ты там, старичок всевышний, я с тобой разговариваю! Почему в конце концов ты посылаешь мне исключительно социально неблагополучных? Черт побери, но это твоя работа! С меня хватит. Насколько я понимаю, ты уже достаточно для меня постарался. Господи… Господи, молю: оставь меня.

4

Он так и не перезвонил.

Ни той ночью, ни следующими.

Хотя я еще много ночей подряд вела себя самым жалким образом, забывая выключать свой телефон. Но тщетно. Я ошиблась на его счет. Не такой уж он и псих.

Или же он еще бóльший псих, чем я думаю. Или же не так сильно заинтересован.

Короче говоря, этот жирдяй достал меня по полной программе.

Ну а жизнь — как я там уже говорила? — «шла своим чередом».

Вот.

Именно так.

Черт побери.

5

Конечно, я все это пережила. Как говорят люди, скромно потупив глаза, — бывало и хуже. За окнами шумел весенний Париж, все как у Коула Портера[24] в исполнении Эллы Фицджеральд.[25] Расширялись террасы кафе, все более длинными и многообещающими делались дни, я была жива-здорова, прятала в рукаве кучу других козырей, да и вообще была не промах, так что я его отпустила.

Серьезно. Я забыла о нем. А потом как-то раз однажды утром я просто вытряхивала вещи из сумки. Потому что хотела взять другую. Потому что собиралась на свадьбу и мне нужна была более изящная сумочка. Как вдруг — оп-ля! — сюрприз от шефа: его «сладкая бомба» замедленного действия и «жареные» факты в придачу.

Мой повар внезапно вернулся, и на этот раз… на

---

[24] Примечания: 24

Портер, Коул (полное имя: *Cole Albert Porter*, 1891–1964) — американский композитор и поэт-песенник. *(Прим. переводчика.)*

[25] Примечания: 25

Фицджеральд, Элла (полное имя: *Ella Jane Fictzgerald*, 1917–1996) — американская певица, «первая леди джаза». *(Прим. переводчика.)*

этот раз меня зацепило всерьез, как ошпарило.

Горячо, побережись!

Апарте[26]

[26] Примечания: 26

Апарте — разговор про себя, в драматических жанрах употребляется как речь «в сторону». Речи «в сторону» произносятся и в присутствии других лиц и условно считаются неслышными для присутствующих. *(Прим. переводчика.)*

1

Если бы у меня был злейший враг — какая-нибудь девушка, которой я желала бы самых страшных пыток, самых нежных, медленных, самых жестоких и уродующих навсегда, я бы отдала ее в руки писателя, понаблюдала бы, как она влюбится в него самой чистой любовью, и смотрела бы, небрежно листая какой-нибудь древний «Пари-Матч», как она страдает…

Мне едва исполнилось девятнадцать, когда эта беда свалилась на мою голову. Всего девятнадцать лет… Я была еще ребенком… К тому же сиротой… Уф, ладно, хватит уже, малыш. Птенчик, выпавший из пустого гнезда, с грустными глазами и бритым черепом. Нежное мяско… Нежная плоть для любовного романа… Для первого романа… Красивому герою красивый сюжет, не так ли?

Ладно. Прекращаю. Он с тех пор уже сделал себе имя. Я принесла ему удачу, вернее — моя история принесла ему удачу, и в рекламе он не нуждается. Он прекрасно справляется сам. Однажды, когда я буду совсем старенькой, возможно, кто-то задаст мне пару вопросов для постраничной сноски, ну

а пока я предпочитаю помалкивать.

Покой.

Артистам — покой.

Легендам — место.

Разве что еще одно, последнее замечание… То, что в моей жизни был этот мальчик, этот мужчина, этот грабитель, в конечном счете имело для меня лишь одно реальное последствие, напомнив мне и укрепив меня в убеждении, возникшем у меня еще за несколько лет до того, во время долгой болезни и агонии моей матери, что известное выражение «Что нас не убивает, делает нас сильнее» — это полная чушь: что нас не убивает, то нас не убивает, и точка.

(Довольно сложное предложение и, возможно, спорное с точки зрения синтаксиса, которое я запросто могу упростить и резюмировать так: этот ублюдок сильно испортил мне жизнь.)

Сеньор Буало,[27] вы, как всегда, кстати.

* * *

Он был моей первой любовью. Не то чтобы я

---

[27] Примечания: 27

Буало-Депрео, Никола (*Nicolas Boileau-Despréaux*; 1636–1711) — французский поэт, критик, теоретик классицизма. Имеется в виду его известный афоризм «Кто ясно мыслит, тот ясно и излагает». *(Прим. переводчика.)*

впервые спала с мальчиком, но я впервые занималась любовью и это было… ладно, обещала, что не буду, значит, так тому и быть. Я ведь не писатель, мне ни к чему воображать свое прошлое, ни к чему раскладывать свои эмоции по пробиркам, ни к чему превращать в строительный материал все самое светлое, что выпало на мою долю, поэтому короче, Матильда, короче. Прошу тебя, пощади свое достоинство, не порть хотя бы то немногое, что он из деликатности или по недосмотру не тронул.

О'кей, согласна, в таком случае делаем пропуск. (Ага, а все-таки между делом он научил меня паре приемов…) Только уточним, поскольку этого требует нынешняя история, что этот предмет моего обожания написал мне множество писем — любовных, с гордостью думала я тогда, стилистических экзерсисов для пробы пера, вынуждена признать я теперь, — которые я в конце концов выкинула в помойку одним прекрасным вечером, когда почувствовала себя свободной.

Да, похоронила под ворохом окурков, пустых бутылок, кофейной гущи и грязных ватных дисков для снятия макияжа.

Аллилуйя. Наконец-то мне удалось их вышвырнуть.

Все, кроме одного.
Правда? И почему же?
Почему именно это письмо?

Потому что оно было последним. Потому что оно принадлежало мне больше, чем остальные. Потому что я и тогда имела слабость думать, да и до сих пор не разуверилась, что оно было искренним, а даже если и не было, то это уже не имело для меня никакого значения. Потому что я достаточно честна, чтоб отличать красивое от правдивого и выбирать красивое, коль уж оно выпадает. Потому что меня никогда не волновал вопрос, настоящее ли это искусство или графомания. Потому что оно напоминало мне о том, что меня любил талантливый мальчик, что я вдохновляла его и что, да, несмотря ни на что и даже на него самого, мне все-таки в этом повезло.

И потому что оно было красивым.
Так же как я…

Потому что я выросла с этим письмом. Оно стало свидетелем того, как я росла. Несколько самых обыкновенных листов бумаги формата А4, густо усеянных мелкими значочками, начертанными черными чернилами в такой последовательности, что сначала я почувствовала себя ужасно

смущенной, потом польщенной, потом в мою душу закрались сомнения, а следом и отвращение, и наконец, разбитая горем, я уже наклонилась было к помойке, но в последний момент… передумала.

Передумала. Фаталистка. Хранительница. Сторож. Просто сторож маленького храма, сокровищницы всего того, что было моей жизнью, прежде чем оказаться в…

…в моей сумке.

Из скрытности. Чтоб письмо случайно не попало ни в руки моих соседок по квартире, ни в чьи бы то ни было еще. Никогда.

Оно лежало в маленьком потайном внутреннем кармане. В единственном кармане, застегивающемся на молнию. На тоненькую, незаметную молнию, о существовании которой догадаться невозможно, если только не искать специально.

Письмо лежало на месте, но не в конверте — тогда как я была уверена, что вкладывала его в конверт, — а наоборот: конверт всунут в середину письма. Меж сложенных пополам листов. Стиснутые страницами мое имя, мой тогдашний адрес — думаю, мне ясно давали понять, что письмо прочитано и что крайне важно мне это ясно дать понять…

(Ох, проклятый язык! Нет! Только не сейчас! Только не на этом месте моего рассказа! Я рассмеялась. В полном одиночестве я громко рассмеялась тому, что запинаюсь, порабощенная такими смешными правилами стилистической согласованности.)

…и подчеркивалась важность довести это до моего сведения.

Вот. Немного тяжеловато звучит, но тоже сойдет.

Да, как ты видишь, я попросил какого-то незнакомца надписать конверт, не сделал этого сам… Грубая уловка, согласен, но не возвращай мне его. Только не это письмо. Обещаю тебе, оно достойно того внимания, которого я не стою.

Если ты не хочешь читать его сейчас, подожди. Подожди пару месяцев, пару лет, десять лет, быть может. Дождись безразличия.

Десять лет — все-таки у меня довольно высокие требования.

Подожди столько, сколько тебе потребуется, но однажды, пожалуйста, все-таки прочитай его. Прошу тебя.

Наш последний разговор, вернее, наша схватка не на жизнь, а на смерть, вот уже несколько недель не выходит у меня из головы. Ты упрекала меня в эгоизме, в скверном характере, в меркантильности. Ты говорила, что я тебя использовал, что я как вампир, что я влюблен скорее в образ, вдохновленный тобою, но не в тебя, такую, как ты есть.

Ты упрекала меня в том, что я никогда тебя не любил.

Тебе кажется, что тебя предали. Ты бросила мне в лицо, что никогда в жизни не прочитаешь больше ни одной книги. Что ты ненавидишь слова так же, как ненавидишь меня, и даже еще больше, если такое отвращение вообще по силам человеку. Что слова — это гнусное оружие, которым пользуются такие гнусные типы, как я. Что слова ничего не стоят, словами ничего не скажешь, они врут. Что слова портят все, к чему прикасаются, и что я навсегда отвадил тебя от них.

Сейчас, этим вечером, два месяца или

два года спустя, ты прочтешь нижеследующий текст и поймешь, любовь моя, что ты не всегда бываешь права.

Когда ты закрывала глаза, отдаваясь в мои объятья, твои веки напоминали изнанку шкурок экзотического фрукта личи. Тот же переливчатый блеск, та же розоватость, неожиданная и пронзительная. Лакомые мочки твоих ушей, толстенькие, как гребешки каплуна, были похожи на крошечные фарфоровые косточки, размякшие, размокшие, тающие, истомленные в слюне, пенку которой без устали снимали твои губы, а изгибы хрящей — чистое кокетство, масленичные блинчики, нежное жаркое из птичьих голов.

Запах у основания твоих волос, на затылке, сразу над этой развилкой, над этой тайной пушистой ложбинкой, требующей бесконечных ласк, отдавал пикантной горечью настоящего хлеба на закваске, а твои ногти, на вкус того, кто их долго сосал, были как свежий миндаль, до срока собранный на исходе лета.

В углублениях над твоими ключица-

ми выступали капельки кисловатого сока, от которого пощипывало язык, находивший утешение в сочной свежести мелкозернистой, словно грушевой, плоти твоего выпуклого плеча.

Так где-нибудь в полумраке сарая лакомишься анжуйской бере[28]*…*

Крохотные пузырьки слюны, появлявшиеся в уголках твоих губ, когда ты взахлеб хохотала, сверкали, как брызги розового брюта, а кончик моего любимого языка — крупитчатый, гранатового цвета под деликатно шершавой бледностью — напоминал лесную клубнику.

И, словно дикая клубничина, пугливо прячущаяся очаровательная недотрога, он был сладким-пресладким.

Твои соски? Прованские бобы самого первого урожая, из тех, что собирают в феврале и которые надо еще добыть, сырыми вылущив из стручков, тогда как их янтарного цвета округлости бархатисты на ощупь, гладки, ярки и душисты, как весеннее масло.

---

[28] Примечания: 28

Бере — сорт осенних груш с крупными плодами, имеющими сочную, тающую, как масло, мякоть. *(Прим. переводчика.)*

Ложбины, ведущие к твоему пупку, если довести тебя до влажной истомы, имели кисло-сладкий вкус слив из старого сада, вызывая во рту ощущение сладостной оторопи от соприкосновения с такой мягкостью.

Твои бедра образовывали две аппетитные сдобные булочки, а впадина поясницы имела — да и все так же имеет, я думаю, нет, просто помню — пленительный привкус цветов акации. Этот настойчивый, сильный аромат обволакивал весь изгиб твоих ягодиц, вплоть до прелестных ямочек в самом низу спины. У начала складок мягкой, нежной и гладкой плоти, в которых часто скрывались слишком бесцеремонные пальцы…

Твои стопы отдавали мускусом, впадины под лодыжками — горечью, выпуклости икр — фруктами, под коленками было солоно, а внутренняя часть бедер имела минеральный привкус, как и то, что таилось внутри, то, что появлялось потом, что наконец изливалось и было в сжатом виде всем тем, что меня к этому вело. Квинтэссенцией. Квинтэссенцией

тебя и Вселенной.

И вот этот вкус, вкус тебя, принцесса нашего времени, дивная, непристойная, с татуировкой на теле, которым я якобы пользовался и злоупотребил, так вот теперь мне остались только слова, чтобы им наслаждаться.

Увы, этот ничтожный инструментарий, как ты мне напомнила, не имеет достоинств. Слова ничего не знают, ничего не сочиняют и ничему не учат, но, запомнившись, они приносят плоды.

Гораздо сильнее, чем от твоей кожи, твоих волос, ногтей, твоего запаха, у меня текли — да и сегодня еще текут — слюнки от этой твоей эссенции, твоей влаги, нектара твоего живота, от твоего пектина, твоей смазки, твоего сока, от этого вестника, выдающего твой голод, твою жажду, твои головокружения, от этого служки твоих желаний.

Какова она была на вкус, твоя любимая? — интересуются все до последней буквы того единственного алфавита, который я когда-либо знал, — и в каком

порядке ты бы нас расставил, если б попытался рассказать ей об этом?

Ласточкино гнездо. Теплый инжир. Перезрелый абрикос. Ягода малины, проглоченная под моросящим дождем.

Иногда попадалась межа. Иногда царапины приливов, кровопускания души и лунная кровь. Или лунное семя. Или молоко. Молозиво Афродиты.

Ужасающая смесь материнского молока и выделений течного зверя.

Трюфеля в мешочке. Губы и прочие обрезки плоти, пошированные в душистых травах в большом количестве воды. Выпотрошенный скат. Розовое мясо на кости. Бульон из моллюсков. Эмульсия, скопившаяся под панцирем. Соус из сока морских ежей. Чернильная вытяжка из кальмаров, пойманных на блесну. Верхушка конфетки берлинго с затупившимся уголком. Леденец из амброзии. Цитрон. Красный цитрон с йодированной цедрой. Ви…

Ох, Матильда,

Я сдаюсь.

Я любил тебя.

Я любил тебя сильнее, чем смогу это сказать,
Но совсем не так хорошо.

2

У меня тряслись руки. Сама не знаю, что это было: меня накрыло волной стыда, позора, ощущением раскрытой и оскверненной тайны, к горлу подступила тошнота.

Я не понимала, что со мной происходит. «Эй, — разнервничалась я, — успокойся, старушка, успокойся. Это ничего не значит, это ничего *не значило*, подумаешь, какой-то умник, посасывая колпачок ручки, предавался эротическим фантазиям.

К тому же, возможно, он и читать-то не умеет, этот твой дока в ножах и колбасных обрезках…»

Неважно, я сожгла письмо в раковине.

Меня мутило, знобило, потряхивало, я вся покрылась потом и, прикрыв ладонью рот, упорно заталкивала в слив обгоревшие клочки бумаги.

Я спешила, дергалась, словно опаздывала, ледяной пот застил мне глаза, я чувствовала потекший макияж.

Меня вырвало.

3

Помыв раковину хлоркой, я долго, долго ополаскивала ее водой. До тех пор, пока вся эта беда не скрылась в глубинах парижской канализации.

— С тобой все в порядке?

Голос Полин.

Не слышала, как она вошла. Ее, конечно, беспокоило не мое здоровье, а расход воды.

— Тебе нездоровится?

Я обернулась, желая ее успокоить, но поняла, что она мне не поверит.

— О господи… Что еще с тобой приключилось? Перебрала вчера с алкоголем, да?

Ну и репутация у меня…

— А вот и нет! — глупо похвасталась я, пальцами вытирая растекшуюся тушь. — Большой праздник мне сегодня еще только предстоит! Смотри, какая я нарядная… Собираюсь на свадьбу к Шарлотте…

Полин даже не улыбнулась.

— Матильда?

— Да.

— Я не понимаю тот образ жизни, что ты ведешь…

— Я тоже не понимаю! — рассмеялась я и высморкалась в раковину.

Полин пожала плечами и направилась к своему любимому чайнику.

Я чувствовала себя глупо. Полин не часто проявляла ко мне такой интерес. Мне хотелось исправить ситуацию. Да и потом мне нужно было с кем-то поделиться.

— Ты помнишь… Тот тип, что нашел мою сумку…

— Тот псих?

— Ну да.

— Он снова проявился? Продолжает к тебе приставать? О черт, чай почти кончился…

— Нет.

— Надо сказать Жюли, пусть купит чая…

— Он повар.

Полин как-то странно на меня посмотрела.

— А? Да? И что? Почему ты мне это говоришь?

— Просто так… Ладно, мне пора, не то я опять все пропущу.

— Когда вернешься?

— Не знаю.

Она проводила меня до дверей.

— Матильда?

— Йес.

Она поправила мне воротник.

— Какая же ты красавица…

Я улыбнулась ей в ответ и почтительно склонила голову.

Пусть она там себе воображает мое очаровательное смущение, пока я борюсь со слезами.

4

А потом — всё. Потом — это сейчас, и мне больше нечего рассказывать. Да и желание пропало. Я сейчас, даже если этого не видно невооруженным взглядом, съежилась на обочине жизни в ожидании, пока она пройдет.

«Маскированная депрессия» — уже не помню, откуда я выудила это лицемерное выражение, но пользовалась им охотно. Оно мне подходило. Думаю, из-за маски. Сколько лет меня приводили в пример, кружили мне голову, нахваливая мою силу, чувство юмора, отвагу… Так вот, сборище трусов, все это было слишком просто. Чересчур просто. Да, я пыталась вас защитить и держалась, сколько могла, но больше я не могу, все.

Я сломалась.

Потому что все это вранье, друзья мои… Да, все… Одна сплошная показуха… Я знала, что моя мать заполняла эти свои формуляры как попало: она ставила крестики, где надо, и оставляла заполненные бумаги на видном месте, специально, чтобы меня успокоить. Я знала, что грош цена была всем этим хорошим новостям, которые

она часами громко рассказывала бабушке по телефону. Я знала, что они обе мне врут. Я знала, что мой папаша отправился к свой шлюхе, как только отвез мать в больницу на химиотерапию, и я знала, что она тоже об этом знает.

Я знала, что ее тело не успеет остыть, как он уже смоется из дому. Что я отправлюсь жить к старшей сестре, сбрею волосы на голове и брови, завалю выпускные экзамены, буду сидеть с ее детьми, чтобы как-то отблагодарить. Я знала, что прекрасно с этим справлюсь, буду симпатичной, классной, не вызывающей подозрений, заводной теткой, которая прыгает на кроватях и прекрасно разбирается в карточках «Покемон» и «Белла Сара». Знала, что снова стану отращивать волосы, нагоню упущенное время, буду много трахаться и много пить. Заработаю репутацию кутилы, тусовщицы, стойкого бойца, всегда готового на подвиги, чтобы на меня повесили соответствующий ярлык и раз и навсегда отстали.

Знала, что зять дал мне работу, чтобы потешить свою гордость этакого Корлеоне, мол, семья — это святое и т. д. и т. п., и что если не я буду «готовить» ему будущих клиентов, так вместо меня этим займется другая продажная душонка. Да, я все это понимала и ничего не говорила вам,

потому что я великодушна.

Лишь однажды за все эти годы, проведенные на фронте, со мной случилось что-то прекрасное, лишь однажды я не врала — так кретин написал об этом книгу. Так что вот, приличия требуют сохранять веселый вид, но мне сегодня не до приличий.

Сегодня я отдыхаю, показываю всем «фак» и отключаю телефон.

Увы, против натуры не попрешь, и как хорошая девочка я заставлю себя дойти до конца этой истории, но предупреждаю: можете смело перематывать вперед, ничего особенного не потеряете.

Акт третий

1

Однажды как-то раз я забыла сумку в кафе около Триумфальной арки. В сумке лежал конверт с сотней стоевровых купюр. Сто зелененьких банкнот прямиком из банка. Красивые, хрустящие, гладенькие и чистенькие, прям как новые. Какой-то толстяк нашел мою сумку и четырьмя днями позже вернул мне ее нетронутой.

Внутри сумки было спрятано письмо, живописующее в 3D мою «киску» и сиськи. Ладно, думаю, с каждым может случиться… Пусть не такое сочное письмо, но какие-нибудь фотографии, видео, удручающие смски, откровенные вложенные файлы, призывные пиксели, отвратительные и злонамеренные, все эти предательские штуковины, весь этот арсенал самолюбования и бесстыдства, которым на сегодня все мы так старательно обзавелись, должно быть, уж немало повлек за собою проблем, ведь так?

Еще бы… наверняка это добавило и остроты судебным заседаниям, и боли разбитым сердцам… Ну а я-то с чего это вдруг так распереживалась? Строю тут из себя поруганную невинность? Да какое мне дело, что какой-то там тип, которого я

никогда в жизни больше не увижу, узнал о том, какая я на вкус, а? Ведь правда! Все эти мои причитания абсолютно бессвязны. И с каких это пор я стала вдруг такой деликатной? Черт побери, ведь это я бы все-таки заметила!

Все вокруг стало каким-то бессвязным. Да и внутри.

На свадьбу я шла, положив под язык две таблетки болеутоляющего, уверенная в том, что напьюсь вхлам. Возможно, выглядела я прекрасно, но было это уж точно ненадолго. Уж в чем-чем, а в этом я могла даже не сомневаться.

2

Добравшись до мэрии 20-го округа, я уже запыхалась и, стремительно преодолевая лестницу в своих пресловутых сногсшибательных «лодочках», как и полагается, вывихнула себе лодыжку.

Корчась от боли, я обратилась к какому-то типу, который выглядел так же нарядно, как я, но не так сильно спешил.

— Простите, вы… уф… я… я ищу зал бракосочетаний, вы… Вы не знаете, где это?

Он протянул мне руку, чтобы поддержать, пока я надевала обратно свой хрустальный башмачок, а потом очень любезно ответил на мой вопрос:

— Вы ищете кузницу будущих рогоносцев? Вам сюда! Как и мне! На церемонию, я имею в виду… Так что прижмитесь ко мне покрепче, юное неустойчивое создание, опаздывая вдвоем, мы привлечем меньше внимания.

Бинго, я нашла своего нового спутника, и возможно, именно он сажал меня в такси после полуночи — к тому моменту мои туфли уже давно были потеряны.

Молодожены больше никогда мне не звонили и даже не поблагодарили за подарок. Я не помню,

в каком я была состоянии, и уж тем более не помню, что я могла рассказывать их гостям, но, должно быть, это оказалось не слишком уместным на свадьбе.

3

А между тем это была моя последняя пьянка.

Ну а поскольку эти три доблестных слова, стоящие друг за дружкой, — моя-последняя-пьянка — не выглядели опасно, то они меня не насторожили.

Я ошибалась.

Это был дурной знак.

Ибо что остается тому, кто бросил пить, тогда как он предавался этому от отчаяния?

Отчаяние.

Это непросто. Отчаяние — это очень запутано. Особенно в моем случае — ведь мне как опытному игроку в бонто[29] столько лет удавалось сбивать его с толку.

Мне было сложно угадать самолюбование истинного страдания, а поскольку я слишком большая трусиха, чтобы пытаться понять, что там творилось в недрах моей души, то ограничусь только перечислением симптомов, внешних признаков беды. Да, я бросила пить, это правда,

---

[29] Примечания: 29

Бонто — карточная игра: угадывание одной из трех перевернутых карт. *(Прим. переводчика.)*

но я и есть перестала, и спать тоже. Для простого самолюбования, согласитесь, неприятностей многовато.

Другая на моем месте, более отважная, более практичная или менее жадная, чем я, отправилась бы к доктору. Возможно, не так чтобы напрямую к психиатру, но, по крайней мере, к врачу. К доброму старому семейному доктору, которого у меня больше не было. Она бы пошла к любому терапевту в своем районе и, не вдаваясь в детали, сказала бы ему все разом: «Здравствуйте, доктор, со мной все в порядке, все очень-очень хорошо, уверяю вас, вот только, знаете ли, мне необходимо выспаться прямо сейчас. Мне надо *хоть немного* поспать, иначе я просто рухну. О! Аппетит это не страшно! У меня такие булки на ляжках, знаете! К тому же смотрите… Я курю по две пачки «Мальборо» в день, это меня спасает. Но по ночам… когда ночь за ночью, одна за другой, постоянно проходят без сна, то со временем ведь от этого умирают, нет?»

Именно так думала я про себя, когда возвращалась посреди ночи от площади Звезды к Монмартрскому кладбищу, теребя в кармане седьмой никчемный счет, а эта история только начиналась.

Увы, да… Я не слишком хитра… В итоге столько всего, и лишь для того, чтобы вернуть меня на исходную позицию.

Какой, простите, счет?

Седьмой?

Но, но Матильда… Ты сейчас разом раскрыла все свои карты! Ты пропала, девочка моя! Ты проиграла! Знаешь, как англичане называют бонто? Find the Lady. Найдите даму. И что? Что это значит? Вот, значит, что скрывала твоя червовая дама? Так это из-за него, из-за этого увальня, ты в таком состоянии?

…

Это с его-то лакированными башмаками и передовыми носками с укрепленной пяткой?

…

С его недостающим пальцем? С его острыми ножами, как нельзя лучше подходящими к общему стилю его одежды?

…

С его курткой, от которой несло козлятиной?

…

Со всеми его ночными странностями?

…

Эй, просто хочу тебе напомнить, что у него по-прежнему есть твой номер… О’кей, ты настолько

криворука, что даже номер телефонный не смогла нормально записать, но он, если бы захотел, мог с тех пор уже сто раз тебе перезвонить…

…

А, хотя, быть может, и не мог, заметь… Быть может, ему для этого пальцев не хватает…

…

Эй, Матильда! Могла бы и отвечать, когда с тобой разговаривают!

Заткнись. Можете сколько угодно насмехаться, издеваться и глумиться надо мной, вот только не надо учить меня уму-разуму. Воспитывать меня не надо. Вы же знаете, что я это ненавижу. Если будете продолжать в том же духе, то вы меня окончательно потеряете. Да и потом… Да и потом, что вы в конце концов хотите, чтоб я вам рассказала?

Все, моя красавица.

Все как есть.

Раздевайся и иди к столу.

4

Ну так… уф… с чего мне начать? И, прежде всего, где я вообще сейчас нахожусь?

Бульвар де Курсель. Ладно. Порядок. Времени достаточно.

Я сожалела, что сожгла письмо. Сожалела, что сожгла его, не перечитав напоследок. Я уже плохо помнила, что именно там говорилось, и отрывочность моих воспоминаний искажала мне всю картину. Я сожалела, что не взглянула еще разок, какова я на вкус, чтоб хотя бы приблизительно представить, что он там себе мог вообразить, а заодно вспомнить, что имеется в моем распоряжении.

История начиналась в невыгодном для меня положении. Хотела бы я столько же знать о нем. Впрочем… «столько же» мне бы, конечно, не хотелось, но хоть что-то еще. Хоть что-то, помимо царапин на подбородке, вихра на затылке, отсутствующей фаланги, неподвижного взгляда и каких-то сутенерских повадок.

Я понимала, что мне не хватает деталей, и это меня расстраивало.

Я хотела понять, как это вообще возможно в нашем сегодняшнем мире, вернее в том, во что мы этот мир превратили, в том огромном игорном доме, в котором и я сама без лишних зазрений совести ежедневно делала свои ставки, как это возможно, что некто отдает незнакомому человеку десять тысяч евро наличных и ограничивается лишь тем, что предостерегает, благожелательно намекая, как, мол, важно не упустить свою фортуну,[30] и к тому же еще и оплачивает счет.

Я хотела понять, как это можно иметь столько наглости, чтобы порыться в сумке у девушки, причем не таясь, напротив, словно специально оставив метки, проникнуть в ее интимные тайны, расчувствоваться, снова ее разоблачить, более получаса молча сидеть в глубине кафе, спокойно и обстоятельно просвечивая ее насквозь, потом обнюхать ее под предлогом услужливости и, наконец, уцепиться за ее руку, и вместе с тем быть таким простофилей, что отдать ей все, не догадавшись записать себе ее координаты, и быть вынужденным просить их у нее, звонить ей втихаря в неурочное время с таким таинственным видом, словно это преступление против

[30] Примечания: 30

Игра слов: fortune во французском — это и удача, и богатство. *(Прим. переводчика.)*

монаршей особы, вынашивать проект, желание, потребность накормить ее, виновницу стольких угрызений, вернуть ей аппетит, который она сама давно потеряла, но ненароком возбудила в нем, выдержать следующим вечером оскорбительную демонстрацию динамо-машины (все так же ненарочно, увы, но как он мог об этом знать?) и даже не удосужиться перезвонить еще разок этой неблагодарной твари, этой паршивой врушке, этой гнусной соблазнительнице, чтобы тоже ее соблазнить.

Короче, мне хотелось понять, с какой планеты родом этот странный мальчик, и если с нашей, то наконец-то явственно осознать, что значит быть человеком.

Мне хотелось умирать с голоду, чтобы он подобрал меня и спрятал там же, где у него когда-то хранилась сумка моей матери, подробная дегустация меня другим кретином и вся моя бардачная жизнь: на груди, под курткой.

Да, именно этого мне хотелось и ничего другого. Чтоб он застегнул «молнию» до самого верха, оставив меня отдыхать на своей пухлой груди.

…

Ага! Что, язык проглотили? Думаете небось, что

это она нам тут заливает, глупая болтушка?

После своего пресловутого поэта с его звездной лютней, после целой вереницы всех ее бездарных романов и перед тем бедолагой, которому наконец удастся ее заарканить, посадив ей троих малышей в минивэн, ей потребовался этот воображаемый помощник мясника с его огромными ручищами, с его штанами в мелкую клеточку и ботинками с укрепленными носками, это так?

Гротеск да и только.

Самый настоящий гротеск.

Ну да. Смакуйте.

Смакуйте, злыдни.

Перемывайте косточки невинной голубке…

А «Фейсбук», разве это не фантазм?

А Meetic? Или Adopte? Или Attractive? Все эти идиотские сайты знакомств? Все эти ничтожные сборища, где ты пристраиваешь свое одиночество меж двух рекламных роликов и всех этих кнопок «Нравится», среди сообществ воображаемых друзей, в контролируемых группах, в нищих братствах людей, связанных стадным чувством и абонентской платой с богатейшими серверами, это все что?

А эта лихорадочность… Это постоянное тягост-

ное чувство нехватки, эта дырочка сбоку, это бесконечное донимание телефона, экран, который вечно приходится разблокировать, все эти жизни, которые вы себе докупаете, чтобы оставаться в игре, эта рана, этот шлюзовой щит, эти сдавливания в кармане? То, как вы все, всегда, постоянно проверяете, не оставили ли вам сообщение, не прислали ли смс, какой-нибудь знак, напоминание, извещение, рекламу… что угодно.

И уже неважно, от кого или от какой конторы, главное, что это адресовано вам и вас это успокаивает, это напоминает вам, что вы живы, что вы существуете, что с вами считаются, и раз уж по-другому с вами все равно незнакомы, то вам, возможно, еще и попытаются продать по ходу действия какую-нибудь последнюю новинку.

Все эти пропасти, головокружения, все эти кодовые строчки, которые вы поглаживаете в метро и которые бросают вас, как только больше не ловится сеть. Все эти отвлекающие вас от вас самих развлечения, благодаря которым вы утратили навык задумываться о самом себе, мечтать о своем, общаться с «базой», погружаться в себя, учиться познавать и признавать себя, смотреть на других, улыбаться незнакомым людям, ощупывать взглядом, флиртовать, заводить и даже

трахаться! Но которые дают вам иллюзию того, что и вы иллюзорно существуете и обнимаете весь мир…

Все эти кодированные эмоции, дружба, зависящая от электричества, с помощью которого ежевечерне аппарат надо заряжать, и от нее бы совершенно ничего не осталось, если бы однажды вдруг вылетели пробки, все это что, уж не фантазм ли, быть может?

И я знаю, о чем я говорю.

Я тоже активный пользователь.

Мне было наплевать, повар он, уборщик или трейдер. Даже если я и имею слабость думать, что выбрать для себя эту адову работу — изо дня в день кормить себе подобных — может только по-настоящему добрый человек.

Иначе я не знаю, как там продержаться.

Возможно, встречаются недобрые люди, натянувшие на себя поварские одежды, но чтобы так рано вставать и так поздно ложиться, чтобы так мерзнуть по утрам, принимая товар, и так затем изжариваться у плиты, чтобы быть в таком напряжении в моменты аншлагов, что засыпать после этого в перерывах в первом попавшем бистро, чтобы не лениться опускать ошпаренные овощи в баки со льдом ради сохранения яркости

их красок и — делая это — захватывать несколько льдинок и для себя, для своего навеки землистого цвета лица, чтобы чувствовать себя уставшим во время отпуска, но все равно всегда иметь силы надеть фартук и накормить друзей, семью, друзей друзей, всех этих людей, которые так счастливы, что у них есть знакомый повар, всегда под рукой, и чтобы еще чувствовать себя при этом счастливым, возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, для этого надо быть хорошим человеком. Щедрым, как минимум. Отважным, без вариантов. Потому что сытость — это такая неблагодарная тема… Очень-очень неблагодарная… Все время нужно начинать все сначала.

Даже если допустить, что все это лишь плод моего безумного воображения и на одного достойного приходится по десять канцелярских крыс, десять чистильщиков овощей, десять злобных и сварливых и еще с десяток тех, кто через пень колоду и без всякого на то призвания тащится к диплому о профессиональной подготовке, десяток тех, кто просто пристроился поработать, за неимением лучшего, и до конца дней своих будет высчитывать свои отработанные часы, свои ожоги и свои очистки — смирившихся, желчных и уж, само собою, обескураживающих и обеску-

раженных, что в общем нормально при такой работе, — так вот, даже если все это допустить, пусть так, но знаете, что в таком случае сделал бы плод моего воображения? Он бы стащил мои десять штук.

О да.

Именно так.

Ошибаюсь ли я, все сводя к деньгам? Нет, конечно же, нет, это контрольная ценность, сами знаете…

И даже допустив, что я настолько ненасытна, что выдумываю тут себе эдакий кремовый тортик и готова выдать хоть три звезды первому встречному искусителю, которому так некстати вздумалось заснуть у меня за спиной, так вот, даже и это допустив (рохля! И что только в голову не взбредет, когда нет велика, а магазины закрыты!), ладно, пусть, но и в этом случае все говорило опять-таки в его пользу, он ловко выкрутился для несчастного идиота и честного бедолаги, уверяю вас.

Потому что у него в запасе были все козыри, чтобы испортить мне жизнь… Уж я-то это знаю, сама ведь их ему вручила…

На месте деньги или нет, неважно, сумка, попав в руки постороннего человека, предоставляла

ему всю информацию, необходимую для хорошего розыгрыша. Он мог меня выследить, найти, продолжать будить по ночам вопросами: Ух ты! Ах ты! И правда ли я настолько хороша, и нравятся ли мне по-прежнему — ха-ха! — игры с колотым льдом, и сохранилась ли на балконе банка с топленым салом и — фрррр! — действительно ли моя задница благоухает как цветок в устричном соусе.

Такая визитная карточка в дамской сумке — это, конечно, королевский подгон.

Но вместо всего этого он, побледнев и потеряв голову, признался, что «вернул все».

Ну вот. Я закончила.

Бульвар Батиньоль.

Помилуйте, я так и не ложилась…

Ладно. Приехали. Вон уже вдалеке виднеется краешек моего Сакре-Кер.

…

А! Что это вы так остолбенели вдруг?

…

Я сказала что-то, что вас задело?

…

И что? Отвечайте же, когда с вами разговаривают!

В общем… Мы всего этого даже представить себе не могли, что уж…

Всего этого — это про что?

Ну, того, что ты дошла до…

Дошла до чего?

Ну, что ты настолько изголодалась… Издалека, вот так, совсем не заметно.

Издалека ничего не заметно.

…

Вы уж мне поверьте. Поверьте, потому что уж в этом-то я разбираюсь. Все… все мы, какие уж есть, большую часть своей жизни живем контрабандой, тайком. Издалека, вблизи, в фас, в профиль и в полоборота, никогда ничего не заметно.

…

Эй, скажите же хоть что-нибудь! Сжальтесь. Поговорите со мной немножечко. Я иду сейчас над железной дорогой, десятки рельсов расходятся у меня под ногами, и, глядя на все это множество возможных и невозможных отъездов, я чувствую, как все больше портится мое настроение. Вздыхаете? Ладно, но только проводите меня еще чуть-чуть. Пожалуйста.

А как же твой пресловутый GPS-навигатор?

Он потерялся, так же как и я.

Что ж… Ладно, если все то, что ты нам поведала,

правда, тебе надо его найти. У тебя нет другого выбора.

Легко сказать…

Тот первый официант, который еще назвал его Ромео, должно быть, он его знает…

Нет. Я спрашивала, он знает о нем не больше, чем я, и никогда его здесь с тех пор не видел.

Черт. Значит ты берешь компас, расширяешь область поиска вокруг места вашей встречи и обходишь все близлежащие рестораны.

Все?

Есть другие идеи? Хочешь завесить его фоторобботом Триумфальную арку?

Но на это потребуется уйма времени!

Возможно, но выбора у тебя нет.

Почему?

Почему? Да потому что мы заскучали! Нам надоело выслушивать твои внутренние монологи в темноте! Нам плевать на твои душевные состояния! Наплевать! Они у каждого есть, знаешь ли! У каждого! А мы-то хотим историю! В конце концов мы за тем и пришли!

Уффф…

Чего уффф? Что случилось? С чего это ты насупилась?

Я боюсь снова страдать…

Но Матильда… это же прекрасно — страдать, когда ты в отличной форме. Это привилегия! Только мертвые больше не страдают. Так что возрадуйся, красавица! Иди, беги, лети, надейся, разбивайся, ошибайся, пускай кровь, кровоточи или чествуй, но главное — живи! Поживи хоть немножко! Твой гладкий зад и благоухающие мускусом и фруктами ноги… ну-ка, подвигай ими, покажи, как ты это умеешь. Потому что ты, обрати внимание, морализаторствуешь тут с важным видом не меньше, чем мы. Так что давай, оскорбленная малышка из дорогого квартала, бери на себя ответственность. Хоть раз в жизни до конца последуй за своими убеждениями. Забудь свой компьютер, комфорт, сестричек с розгами, о которых ты говоришь столько гадостей, хотя под их опекой на самом деле счастлива оставаться маленькой девочкой, да, забудь об алкоголе, о своем дешевом цинизме и о своей матери, которая никогда не вернется, и… Ох! Ты куда идешь?

Не верю своим глазам… Мой велик… Ну да! Это он! Это мой дорогой Жанно! Какое счастье! Он все еще здесь! Ох, ты все еще здесь, мой дорогой. Ох, спасибо. Ох, браво. Ох, как круто. Ладно, давай, поспешим-ка домой, потому что нам надо набраться сил.

О да, у меня есть для тебя работа, старая развалюха.

5

Знаешь, Матильда, если ты в жизни чем-то по-настоящему дорожишь, сделай все, что надо, чтобы это не потерять.

Не волнуйся, святой Жан-Батист, не беспокойся. Хоть ты и не заметил, но под складками моего платья у меня тоже есть одна очень красивая цепочка…

Акт четвертый

1

Солнце ласкало кариатид на доме напротив, жужжала соковыжималка, подпевал чайник, часы на плите показывали 7:42, и Мишель Дельпеш (или Фюген) (или Польнарефф) (или Берже) (или Йонаш) (или Сарду) (или на выбор) что-то жалобно блеял с утра пораньше.

Жюли проверяла срок годности йогурта на соевом молоке с органическим черносливом, Полин поинтересовалась:

— Ты Матильду видела?

— Нет. Она уже ушла, когда я встала.

— Опять?! Но чем она занимается в такую рань?

— Второе июля… Надо поторопиться…

— Что, прости?

— Йогурты… Ты будешь?

— Нет, спасибо.

— Слушай, мы скоро кучу всего должны будем выкинуть в помойку… И это тоже из-за нее! Она ничего не ест!

— И почему она так рано теперь встает? Она что, работу себе нашла?

— Понятия не имею.

— Ты видела карты в ее комнате? Все утыканные булавками и все прочее?

— Видела.

— Но чем она занимается?

— Понятия не имею…

— Она собирается переехать?

Жюли не знала ответа на этот вопрос, а Даниэль Гишар твердил по кругу: «Цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цы…»

На помощь.

2

В пятнадцати минутах ходьбы от того кафе, где они встречались (она подумала, что, возможно, ему требуется пройтись, размять ноги в перерыве между обедом и ужином), Матильда обнаружила двести двадцать восемь ресторанов и пивных.

И это еще если учесть, что она вычеркнула из списка все пиццерии, блинные, чайные, индийские и марокканские рестораны, афганские, тибетские, макробиотические и вегетарианские. Она решила, что эта стряпня не требует таких больших ножей.

228.

Двести двадцать восемь.

Сто+сто+двадцать+восемь.

Требовалось все это как-то организовать: она отксерокопировала с увеличением куски 16, 17 и 18-го округов, прикрепила кнопками над своим рабочим столом и принялась покрывать их булавками с красненькими головками, чтоб двигаться последовательно. (Наполеон бы не справился лучше.)

Поначалу она попробовала было обзванивать заведения, но быстро осознала, что так легко

победить не удастся. Она не знала его фамилии, была неспособна его описать, назвать его возраст, сказать, как давно он работает, и уж тем более не могла объяснить, по какой причине его разыскивает, нет-нет, она не из трудовой инспекции, и нет, она не хочет забронировать столик, она попадала на гнусавые автоответчики, на не имеющих времени метрдотелей или на хозяев, занятых своей бухгалтерией, и все они, какими бы ни были, в конечном счете посылали ее к черту.

Короче говоря, хотя она еще не добралась даже до авеню Ваграм и Йена, настроением это уже напоминало отступление Наполеона из России.

Начать наступление, вот что требовалась.

Атаковать. Двигаться. Двигаться к нему.

Светиться, улыбаться, шутить, строить из себя старую приятельницу, которая просто проходила мимо, сестренку из провинции, заблудившуюся в большом городе, «матушку Мишель, потерявшую своего кота»[31] или же просто легкомысленную девицу в зависимости от того, кто перед тобой.

И еще требовалось рано вставать.

Потому что на помощь зала рассчитывать не

---

[31] Примечания: 31

Слова из общеизвестной французской детской песенки «C'est la mère Michel» («Матушка Мишель»). *(Прим. переводчика.)*

стоило. Метрдотели, официанты на террасах и в помещении, уставшие еще до того, как натянули свои рабочие жилетки, маленькие начальники, которые выпендривались как могли, — все эти люди кардинально менялись в зависимости от того, работали они или нет. Они становились любезными, только когда надевали свою спецодежду и начинали охоту за чаевыми, а в трениках и с пылесосом в руках так и норовили заехать по лодыжке.

Требовалось рано вставать и находить служебный вход. Заднюю дверь. Вход для артистов и поставщиков. Такую кривенькую, невзрачную дверь, застопоренную чем попало — ящиком из-под фруктов, пустой баночкой из-под крема или огромным бидоном масла, — которой пользовались всякие пакистанцы, шриланкийцы, конголезцы, котдивуарцы, филиппинцы и прочие граждане United Colors of Life de Merde,[32] выплескивавшие мыльную воду, но время от времени там можно было заметить и более щекастых зомби, с более светлой кожей.

Эти обычно потирали лицо, имели достаточно средств, чтоб не крутить самокрутки, и курили

---

[32] Примечания: 32

Здесь: всех оттенков этой дерьмовой жизни (*англ., франц.*)

готовые сигареты, прислонившись к стене и опираясь о нее одной ногой, в одиночестве или в компании, все более молчаливые к концу дня.

Свежие как огурчики на перерыве в 8 утра, более спокойные к 10, готовенькие к 15, и, как ни парадоксально, оживавшие к закрытию, и вот тогда снова возобновлялась болтовня.

Вместо того чтобы расходиться по домам, они трепались, смеялись, снова прокручивали события дня, задирали друг друга, как раз чтобы выпустить пар и дать стрессу время раствориться в ночи.

За несколько дней… теперь уже ее поисков, а не завоеваний (она перестала умничать) Матильде все это открылось.

Целый мир…

Она также поняла, что одно только имя никуда ее не приведет, что большинство этих странных типов знали друг друга только по фамилиям, и всякий раз, когда она спрашивала какого-то Жан-Батиста, на нее смотрели с таким сожалением, будто она просила сердитого мсье, только что закрывшего школьные ворота, принести ей ее игрушку. Еще Жан-Ба — куда ни шло, но Жан-Батист нет. Это слишком длинно.

Когда она натыкалась на посудомойщика и понимала, что всех ее познаний в английском, бенгали, сингальском, тамильском и она-уж-не-знала-в-каком-еще не хватит, чтоб достучаться до собеседника, то кивала на кухню и, наугад согнув один из пальцев левой руки (она уже не помнила, какого именно пальца не хватало), другой рукой изображала солидное пузо, а иногда даже показывала вихор на затылке.

Те немногие, кто не принимал ее за сумасшедшую, качали головами и разводили руками.

Уходя она слышала, как они шептались между собой:

— Avaluku ina thevai pattudhu? (Чего она хотела?)

— Nan… seriya kandupidikalai aval Spiderman parkirala aladhu Elvis Presley parkirala endru… (Ну… Я не очень понял, она искала то ли Человека-паука, то ли Элвиса Пресли…)

— Aanal ninga ina pesuringal? Ina solringa, ungaluku ounum puriyaliya! Ungal Amma Alliance Francaise Pondycherryla velai saidargal enru ninaithen! (Но что ты снова городишь? Хочешь сказать, что ничего не понял, да! А я-то считал, что твоя мать работала в «Альянс Франсез» в Пондичерри!)

— Nan apojudhu… orou chinna kujandai… (Ну ладно тебе… Я был еще маленький…)

Пару раз ей заявляли Жан-Батиста, но Жан-Батист оказывался не тот, а однажды утром ей даже предъявили парня с и впрямь укороченными руками, но это тоже был не он.

Новости по кухонному радио распространялись быстро, и дней через десять ее уже нередко встречали такими словами:

— Ничего не говорите. Вы та, которая ищет однорукого повара, ведь так? Ха-ха, нет, у нас таких нет…

Она превратилась в своеобразное развлечение. Утренний перерыв на шоколадку. Сумасшедшая на велике, которая что-то вычеркивает в своем блокноте и попутно стреляет у вас сигаретку или, наоборот, угощает своей.

В итоге она тоже развлекалась. Ей нравились эти вечно спешащие молодые люди, не слишком разговорчивые, но бодрые. Всегда бодрые. Ее особенно завораживали самые молодые. Отдавали ли они себе отчет, что именно в этот момент их жизни между ними и их товарищами из обычного мира, с «гражданки», начинал образовываться ров?

* * *

Она ставила будильник на пять утра, принимала душ с минимальным напором воды, чтобы не разбудить сестер, складывала в сумку свои карты и с рассветом погружалась в Париж, в самый разгар летнего солнцестояния.

В заспанный розоватый Париж доставщиков, установщиков рыночных стендов и пекарей.

Она заново открывала для себя виды, бульвары и авеню, по которым раньше, примерно в то же самое время, обычно возвращалась домой никакая, на автопилоте, ковыляя зигзагами и то опираясь на руль своего велика, то удерживаясь за него, как за противовес.

Ей нравились сонные потягивания, нахальная нега, откровенная и волнующая расслабленность этого города, который ее бедные маленькие глазки, опухшие от усталости, алкоголя и миксоматоза анонимных меланхоликов, так давно не видели, и который, чего уж там говорить, сколько над ним ни бились, был прекрасен как божий день.

Как же вокруг было красиво… Она чувствовала себя туристкой, прогуливаясь, как на экскур-

сии по собственной жизни. Она стремительно неслась вперед, играла с водителями автобусов, лихо обгоняла тихоходов на тяжелых прокатных великах, следовала по следам барона Османа, оставляя позади простонародную часть (вернее то, что от нее осталось) площади Клиши, ехала вдоль все более богатых домов, приветствуя красивую ротонду в парке Монсо, и каждое утро она задавалась вопросом, кто же тут жил, в этих фантастических частных особняках, и эти полубоги, отдавали ли они себе отчет в том, насколько им повезло, она завтракала в разных кафешках, видела, как цены ползут вверх по мере того, как уменьшается цифра округа, смотрела на людей, листала «Паризьен», садилась спиной к телевизору, слушала разговоры за стойкой бара, приобщалась к хвастливым, пустым, звонким и/или выигрышным прогнозам по лошадиным ставкам тьерсе и футбольной таблице, делала свои ставки, если было по душе, и потом быстрее крутила педали, нагоняя упущенное время.

На спусках покрывалась «гусиной» кожей, а на подъемах ее бросало в жар…

Верила.

Верила крепко-накрепко.

Придумывала себе жизнь, играла со своим

одиночеством, сочиняла себе кино, представляла себя Матильдой из «Долгой воскресной помолвки»,[33] искала абсолютно некрасивого парня, который хотел ей понравиться, однажды ночью он сам поведал ей это на ушко, и даже если она его не найдет, даже если все это лишь очередная глупость в стране под названием «Скажи Жизни Да!», это тоже нестрашно, в любом случае он уже преподнес ей великолепный подарок — дал почувствовать себя на ногах, решительной, ранней пташкой и уже одно это… было слишком щедро.

По крайней мере, все то время, когда она рано вставала по утрам, ей как будто принадлежал весь мир.

[33] Примечания: 33

«Долгая воскресная помолвка» (1991 г.) — роман Себастьяна Жапризо (1931–2003), экранизированный в 2004 г. *(Прим. переводчика.)*

3

Принадлежал?

Другим!

Вот уже почти три недели, как она встает ни свет ни заря и таким вот образом прогуливается, при этом продолжая работать, старается ложиться пораньше, почти ничего не ест и засыпает разочарованная. Это… мучительно.

Матильда вздохнула.

И что это она себе опять вообразила?

И что за гнусный рататуй подсовывал ей снова Купидон?

Эй, толстозадый, ты там?

Что это опять за дрянное рагу?

Все места, на которые она рассчитывала и которые ее вдохновляли, все советы, рекомендации, вся эта шумиха, передававшаяся от одного служебного входа к другому, все эти пожелания удачи и «Говоришь, на лезвиях были как будто бы ореолы? Это японские штучки, это… будь я на твоем месте, я бы начал с японских заведений», да, все эти ценные подсказки и иллюзорные надежды, все эти подробнейшие описания и настолько

невозможные вопросы («Простите, мсье… я ищу повара, вот… уф… не знаю его фамилии, но он… уф… немного упитан… вам это кого-нибудь напоминает?»), все эти вытаращенные глаза, грустные покачивания головой, разведенные руки, вежливые и злые отказы, вся эта изнанка жизни, пробуждения ни свет ни заря и постоянные разочарования, все это, все, все было бесполезно.

Матильда колебалась.

Но где же он прятался, черт его подери? Работал ли он вообще в этом районе? Или он был поваром-любителем? Или же работал в столовой? Где-нибудь на предприятии? Или же он вообще не повар, а увешанный ножами опасный мифоман? Или же милый мечтатель, непоследовательный в своих грезах?

И почему он ей так и не перезвонил? Потому что разочарован? Оскорблен? Злопамятен? Или забывчив?

Потому что он не умеет читать?

Потому что она пришлась ему не по вкусу или же он посчитал, что она по-прежнему живет со своим рифмоплетом?

Матильда сомневалась.

Да и потом… существует ли он? Существовал

ли он вообще?

Быть может, она все придумала. Быть может, письмо уже долгие годы лежало не в конверте. Быть может, его гораздо раньше прочел кто-то другой или другая. Быть может…

Быть может, слова снова ее поимели…

Кстати, по поводу слов… она и забыла и только сейчас вспомнила, что ведь это здесь, именно на этой улице много лет тому назад ее начинающий писатель как-то раз зимним вечером сильно побледнел.

Он побледнел и разволновался, потому что узнал вдалеке силуэт пожилого человека, входившего в крутящиеся двери отеля напротив. Он побелел, схватил ее за руку, помолчал какое-то время и наконец выдал, восторженно проскляняв на все лады: «Бернар Франк? Это был Бернар Франк? О-ля-ля… Бернар Франк… Ты представляешь? Это был Бернар Франк!»

Нет, она не представляла, она замерзла и хотела поскорее в метро, но ее растрогал его потрясенный вид:

— Ты хочешь туда пойти? Ты хочешь с ним поздороваться?

— Я на это неспособен. К тому же, ты знаешь, это роскошный отель… У меня не хватит денег

угостить тебя даже оливкой…

И всю дорогу он только об этом и говорил: о философии Бернара Франка, о его культуре, о великолепных книгах, которые он написал, о его стиле, о его флегматичности, о его элегантности и так далее и тому подобное.

Волнение, ломаный язык, бормотание, неудержимый поток речи экзальтированного писаки, акт второй, сцена третья.

Она рассеянно слушала его лепет, подсчитывая, сколько станций им надо еще проехать, а потом, в какой-то момент, он добавил, что эта тень в белом шарфе была лучшим другом Франсуазы Саган, что они вместе были молоды, богаты и прекрасны, вместе читали, писали, танцевали, играли в казино и кутили, и вот это ей запомнилось, и то, как она тогда размечталась.

В подземном туннеле тем ледяным ноябрьским вечером она прижалась носом к окну, чтобы не видеть своего блеклого отражения, и задумалась о том, каково это тусовать с Саган…

Да, ей бы этого хотелось, и теперь она сожалела о том, что ей не хватило смелости последовать за ним в его роскошный мир. За ним… За другом Гэтсби…

Молча, держась за руки, они ехали в тот вечер

по девятой ветке метро, предаваясь своим сомнениям, мечтам и сожалениям.

На следующий день Бернар Франк умер.

Здравствуй, печаль.

Матильда резко затормозила.

Роскошные отели… Она забыла про отели…

Ну и шляпа.

Поставив ноги на землю и облокотившись о руль, она засмотрелась на консьержей, пританцовывавших вокруг изысканных машин с номерными знаками разных налоговых гаваней, в который уж раз с изумлением отдавая дань уважения пронырливости и всемогуществу жизни.

Потому что именно там его надо было искать…

Конечно, именно там.

За этим величественным фасадом, в каменном особняке, к которому и не подступишься, на улице Фобур-Сент-Оноре, носящей имя святого чудотворца и покровителя всех гурманов.

Он был там, и она вынуждена была признать, что и тут слова снова правили бал. Слова их познакомили, слова их разлучили, и слова снова сводят их вместе.

Так что это правда: литература — это круто, а Матильда не всегда бывает права.

Она с облегчением признала свои заблуждения,

и ее разрушительная первая любовь наконец нашла свое оправдание: неважно, что писатель преподнес ей слова с большей нежностью, нежели любил ее, зато он сдержал свое обещание.

* * *

Почти семь вечера. Неудачный момент для встречи на кухне…

Ладно… Она вернется.

Она удалялась со спокойной душой и, опираясь на своего старенького Жанно, любовалась собственной улыбкой во всех витринах квартала до самого перекрестка с улицей Руаяль.

Конечно, это было бесценно, не всегда свидетельствовало о хорошем вкусе и частенько не получалось, но все равно… улыбаясь, она выглядела прекрасно.

4

Даже чересчур прекрасно…

Все это было слишком уж хорошо, чтобы быть правдой!

А вы поверили? Серьезно? Нет, но на что вы надеялись? Что она заявится на следующее утро, подпрыгивая от нетерпения, попросит его позвать и что он — шабадабада-шабадабада — предстанет в мутном сиянии и побежит к ней в замедленной съемке вместе со взлетающими голубями, а камера будет крутиться по кругу, снимая их с разных сторон?

Да ладно, бросьте вы, сборище сентиментальных чудовищ, так бывает только в кино. Или в тех книжках, что так ненавидел ее бывший. А тут у нас настоящая жизнь, увы, и наша мечтательная героиня покамест еще ничего не добилась: вход воспрещен, двери закрыты и всюду камеры видеонаблюдения.

Так. Что-то эта история начинала ее доставать… Все это ее уже вовсе не веселило, и надо сказать, вообще-то Матильде Сальмон уже более чем надоело бегать за мальчиком.

Играть чужую роль легко, если это недолго.

Она присела на капот машины, переобулась, достала косметичку, завязала волосы, припудрила щеки, накрасила ресницы, подвела губы, прыснула духами на затылок, свернула свою куртку в комок и пристегнула к багажнику велосипеда, а затем, покачивая бедрами, направилась вверх по улице.

Красивая, сексуальная, стремительная и такая супербогатая, как она, с легкостью проигнорировала консьержей, грумов, ресепшионистов, носильщиков, горничных и клиентов.

Дальше.

Вглубь, туда, где всякая обслуга попадалась на пути.

Она ступила на ковролин, толще, чем ее задница, и углубилась в лабиринт коридоров, игнорируя вопросы и замечания, с которыми к ней обращались по-русски и по-английски, поправляя на своих плечах воображаемое боа, она нашла ресторан, молча улыбнувшись, обогнула пылесос, прошла прямиком к кухне и, толкнув дверь, поймала первого встречного:

— Мне нужно немедленно видеть Жан-Батиста. Позовите его, прошу вас.

5

— Кого? Венсана?

— Нет (снисходительно), Жан-Батиста. Я же вам сказала. Того, с японскими ножами.

— А, Жебе (мрачным тоном), он здесь больше не работает.

В мгновенье ока Матильда утратила всю свою красоту.

Она больше не была ни богатой, ни сексуальной, ни гордой, никакой вообще.

Она закрыла глаза и принялась ждать, когда ее выставят за дверь под зад коленом. Вот уже к ней направлялся какой-то высокий тип недружественного вида. Потирая руки, он окликнул ее:

— Мадемуазель? Вы заблудились?

Она кивнула, и он указал ей на выход.

Но поскольку по ее лицу было видно, что она действительно в большой беде, настолько она пострашнела и выглядела несчастной, то он добавил:

— Вы его знаете? Будьте осторожны… Я вот тоже думал, что знаю его, а потом… а потом он меня все-таки подставил… Хотя он был неплохим

вторым поваром… Я ему это, кстати, говорил… Не знаю, какая муха его опять укусила… Потому что он вообще-то с характером, ага? О, да еще с каким… Очень строг… А тут вдруг несколько недель кряду творил на работе невесть что, наделал глупостей и ушел.

— Знаете, где я могу его найти?

— Нет, понятия не имею… И вот что еще вам скажу: и знать не желаю. Это была подстава с его стороны… в разгар сезона, вот так вот… Да уж, этого я долго не забуду… Явился однажды утром — как будто подменили. Его больше ничего не интересовало. До такой степени, что он уже и арбуз бы от мидии не отличил, экий упрямец. Сначала он взял больничный, потому что обжегся, потом еще лучше — нам пришлось вызывать для него «Скорую», а когда он вернулся, стал совсем другой человек. Ему не удавалось сосредоточиться. «Я потерял вкус» — вот, что он мне сказал… Собрал свои вещи в раздевалке и взял расчет. И для вас тоже выход там. И если вы его когда-нибудь встретите, передайте ему, чтоб отдал моего Гримо.[34] Он поймет.

---

[34] Примечания: 34

Очевидно, имеется в виду книга «Альманах гурманов» Гримо де ла Реньера (полное имя: Alexandre Balthazar Laurent Grimod de la Reynière, 1758–1837). *(Прим. переводчика.)*

Проходя теперь мимо служащих отеля в холле, Матильда чувствовала себя неловко. Чувствовала, что должна ускорить шаг. Что подобные вторжения, как ей помнилось, были запрещены для всех просящих, ищущих, разносящих и всех прочих элементов, чуждых миру пресыщенных.

Брысь.

Она уже подходила к своему великолепному «Астон-Мартин» с разбитой фарой, когда тот первый молодой человек, к которому она обратилась, дотронулся до ее локтя.

— Это вы?

— Простите?

— Девушка у Триумфальной арки, это ты?

Она улыбнулась и по внезапной боли поняла, что насквозь прокусила губу.

— Я так и подумал. Он уехал в провинцию… Нанялся в ресторан к своему дядьке… где-то в Перигё.

О господи. Перигё. Раз уж так, почему бы не в Австралии?

— У него есть телефон?

— Я его не знаю. У тебя есть чем записать? Я тебе скажу название ресторана. Это совсем не как здесь, сама увидишь. Там тебе будет проще

его найти.

Она тщательно записала все его инструкции и подняла голову, чтобы его поблагодарить.

— Почему ты так на меня смотришь? — удивилась она.

— Просто так.

Он отвернулся и уже зашагал было обратно, но вдруг передумал:

— Эй!

— Да?

— А что именно было в твоей сумке?

— Атлас.

— Да?

Он выглядел разочарованным.

6

Матильда намеревалась заскочить домой взять свой ноутбук, зубную ще… но потом нет. Они и так уже потеряли уйму времени.

На первом же перекрестке она призадумалась: «Черт, Перигё, это с какого ж вокзала ехать? С Монпарнаса или с Аустерлицкого?

Так, ладно, мой дорогой император, раз уж ты с самого начала держишь тут свечку, доверюсь тебе вплоть до самого твоего коронования. Говорят, в тактическом плане, это была твоя лучшая победа, а вот я как раз-таки в тактическом плане не особенно сильна. Так что пусть будет Аустерлиц…

Эй, ты только меня не бросай, ага?»

Она пристегнула велосипед к парапету и пошла к кассам.

— Один билет? — переспросила добродушная Клеманс в сиреневом жилете. — Простой или туда-обратно?

Оп-ля. Простой. И так уже все слишком сложно.

Отныне, пожалуйста, все только простое.

И если возможно, по ходу движения.

Акт последний

1

Это был долгий день ожиданий. Сначала на вокзале, потом в Лиможе и, наконец, на улочках старого Перигё.

Хотя она раньше здесь никогда не бывала, это место будило в ней массу воспоминаний. Повсюду ей так и виделся д'Артаньян, распахивающий дверь в трактир с криком: «Эй, болван! Эй, где ты, чертов трактирщик! Неси своего лучшего вина!» А еще повсюду предлагались бутыли с ореховым маслом, мясные консервы, фаршированные утиные шейки и те же марки одежды, что и во всем остальном мире.

Да уж, геральдическая лилия несла потери. Надо заметить, в Китае ее вышивали гораздо дешевле.

Ладно… Это наш мир… Его надо любить… К тому же эти древние камни, рассказывающие вам романы плаща и шпаги, франчайзингу не по зубам.

Матильда гуляла, потому что решила дождаться конца рабочего дня. Появиться в полумраке. Не потому что так романтичнее, а потому что она трусила.

Да, да, пока наша юная подруга строила тут из себя местечкового философа, у самой-то от страха уж давно душа в пятки ушла. Гнев отверженного шефа произвел на нее сильное впечатление. Быть может, этот парень действительно не в себе? Быть может, она там нарвется на скалящегося волка… или того хуже, на идиота. Или же на того, кому глубоко наплевать на богатенькую буржуйку с Елисейских полей со всеми ее лживыми обещаниями и запоминающимися словами…

Или же еще хуже: на того, кто несколько часов спустя скажет ей, кивая на часы:

— Сожалею… Мы больше не обслуживаем.

Да, может быть, она сейчас теряла очередную жизнь в этой дурацкой игре, которую придумала, чтобы убить время.

Проклятье…

Эй, трактирщик! Стакан холодной кока-колы, чтобы успокоить внутренности нашей малышки!

На рыночной площади она встала на цыпочки и сфотографировала красивого высеченного в камне паломника, бредущего по пути святого Иакова.

Клик-клак. На память о поездке.

В худшем случае, если все окажется действительно плохо, она сделает себе из этого снимка заставку на экран телефона.

Что-то вроде грозной наклейки Post-it, чтобы не забыть, насколько опасно влюбляться в ближнего своего и вообще во все это верить.

2

Без четверти полночь. Вот уже два часа, как она томилась, пристроившись на низенькой каменной ограде напротив дядюшкиного трактира.

В заведении было нарядно, виднелись балки, медные кастрюли, слышался смех и звон бокалов. Д'Артаньяну с друзьями там бы очень понравилось.

Последние капуши встряхивались, оплачивали счета, а кока-кола уже не бодрила. Матильда гладила свой животик, умоляя его еще немного ее не подводить.

И свои ладони.

Ладони вспотели.

* * *

Теперь в зале не осталось клиентов, но продолжалось движение. Женщина внесла внутрь черную доску, стоявшую у дверей, молодой парень с мотоциклетным шлемом под мышкой попрощался с ней, прикурил сигарету и зашагал прочь, другой заново накрывал освободившиеся столы, в то время как полный усатый мсье в фар-

туке винодела (дядя?) хозяйничал за стойкой.

И больше ничего.

Матильда закипала.

Зарождаясь у нее внутри, сдерживаемые ругательства просачивались сквозь плотно сжатые зубы. Тихое жужжание в ночи:

— Черт, чем они там занимаются? Давайте, давайте… Сваливайте поскорее, кучка идиотов. Валите. А ты? Ты-то когда выходишь? Тебе еще не надоело меня донимать? Все, давай… оставь ты свои фаршированные гузки и выйди наконец из этого своего кабачка, черт тебя подери…

Минут через десять снова появились женщина и парень, которые распрощались прямо перед ней и разошлись в противоположные стороны, потом внутри погас свет.

— Эй! — воскликнула она, вскочила и перебежала через улицу. — Эй, я не собираюсь здесь ночевать!

Она стукалась о столы, уронила стул, выругалась исподтишка и, как бабочка-поденка, направилась к единственному источнику света — окошку, иллюминатору в кухонной двери.

Она медленно толкнула ее, сдерживая свое дыхание, свою гордость, свои зубы и все свое тело.

Мужчина в белой поварской куртке не отрывал взгляда от своих рук.

Он стоял у стола из нержавеющей стали и чем-то был занят.

— Ты можешь идти, я закрою. Только оставь ключи, я снова забыл свои! — бросил он в сторону, не отрывая глаз от своего творения.

Она подпрыгнула.

Она узнала его только по голосу, настолько он похудел.

— Кстати? Ты предупредил Пьеро о телячьей вырезке?

А поскольку, увы, но нет, она не предупреждала Пьеро, то в конце концов он поднял голову.

3

На его лице не проявилось ни радости, ни изумления.

Ровным счетом ничего.

Он на нее смотрел.

Он смотрел на нее… сложно сказать, как долго. Секунды в такие моменты длятся гораздо дольше, они редки и считаются в тройном размере. В общем, напишем, целую вечность.

А она, она молчала. Во-первых, потому что устала, а во-вторых, потому что и так достаточно. Свою часть работы она сделала.

Больше она и бровью не поведет. Теперь его очередь. Теперь его очередь взять их историю в свои руки. Ляпнуть какую-нибудь глупость и все испортить или сказать… Она не знала что именно, но что-то такое, что позволило бы ей наконец присесть и перевести дух.

Он все это почувствовал. По его лицу было видно, что он сражается со словами. Со словами, с усталостью, с воспоминаниями. Что он ищет. Почти находит, но останавливается. Что ему страшно и он тоже запутался, как и она.

Он опустил голову и вернулся к своему прежнему занятию. Чтобы выиграть время, а еще потому, что он становился умнее, когда его руки были заняты делом.

Перед ним лежал синий длинный каменный брусок: он точил ножи.

Она смотрела на него.

Они играли друг у друга на нервах, и тихий регулярный звук их успокаивал. Хоть сколько-то выигранных минут перед тем, как все рухнет, возможно, думали они про себя.

Он осмотрел лезвие, оценил его остроту, как смычком, проведя по ногтю большого пальца левой руки, потом перевернул его и снова стал точить.

На камне образовалась темная кашица. Он рисовал в ней завитки, восьмерки и окружности, наваливаясь всем телом на пальцы, сжимающие сталь.

Очарованная, она разглядывала его короткие ногти, побелевшие от напряжения, загрубевшие, со следами порезов, подушечки пальцев и спрятанный под эбеновой рукояткой пресловутый обрезанный безымянный.

Покалеченный, нежный и бледный палец — ей

захотелось его коснуться.

Не глядя на нее, он пододвинул к себе пиалу с водой и, смочив камень, снова принялся его гладить.

Трение лезвия, бешеное биение их слишком долго сдерживаемых сердец, гудение холодильной камеры неподалеку — еще какое-то время эти звуки их усыпляли, потом из соседней комнаты до них донеслись чьи-то шаги, щелчок выключателя, шум запираемой двери, опускавшихся рольставней и клацанье закрываемого замка, нет, даже двух.

Они погрузились в темноту, и только в этот момент она наконец увидела, что он улыбнулся: улыбка чувствовалась в его голосе.

— А… жаль… потому что, как я только что тебе сказал, свои ключи я забыл…

Он уже наслаждался, а она по-прежнему молчала. На ощупь за спиной нашла табурет, пододвинула его к себе и быстро уселась.

После этого снова воцарилась тишина.

— Я рад… — прошептал он.

Постоянно терзая свою нижнюю губу, она таки прокусила ее до крови. Должна ли она теперь что-то сказать? О нет, сжальтесь, не сейчас. Она

слишком устала. Она пришла к нему, потому что он ее не обокрал, так что пусть он и продолжает в том же духе.

Чтобы выгадать еще небольшую отсрочку, она снова взялась за свою истерзанную губу.

Она прикусила ее в самом болезненном месте и принялась посасывать собственную кровь.

— Ты похудела, — сказал он.

— Ты тоже.

— Да. Я тоже. Я даже больше, чем ты. Ты скажешь, у меня было больше запасов…

Она улыбалась в темноте.

Он покачивался вперед-назад, словно стремясь выдолбить, обтесать, обточить камень.

Спустя минуту, или пару минут, или несколько, или тысячу, он так же тихо добавил:

— Я думал, что ты… что я… Нет… Ничего…

Хрусть. Синевато вспыхнув, сгорела мошка, попавшая в ловушку у входа.

— Ты голодна? — в конце концов спросил он, посмотрев на нее словно впервые в жизни.

— Да.

— Я тоже.

Ей было больно улыбаться, и она облизывалась, чтобы унять боль.

Пока она, залечивая, посасывала губу, он тщательно протирал свой длинный нож.

— Раздевайся.